

ДОБРОЕ УТРО!

2007 год

АПРЕЛЬ-МАЙ

ВЫПУСК № 1-2(28-29)

АРМЯНСКИЕ ОБЩИНЫ МИРА

Численность армянской диаспоры по всему миру составляет более 7 миллионов человек. Самая крупная община в России – 1,13 млн. человек (по неофициальным данным – до 2 млн.), она выросла на 112% после распада СССР. Значительны также армянские общины в США (около 1 млн. человек), во Франции (500 тыс.), Иране (150 тыс.), Ливане (120 тыс.) и Сирии (120 тыс.).

До начала карабахского конфликта в Азербайджанской ССР существовала крупная армянская община – около 250 тыс. человек. Ещё около 150 тысяч проживало на исторических армянских землях – в Нагорном Карабахе (Арцахе) и Гардмане. В настоящее время, по переписи населения 2005 г., численность населения Нагорно-Карабахской Республики (НКР) – 137,7 тыс. человек, и практически все они армяне.

РУССКАЯ ОБЩИНА АРМЕНИИ

Сейчас в Армении проживают около 15 тысяч русских. Русская община Армении никогда не была значительной, и наибольший ее показатель – 2,5% населения в 70-е годы XX столетия. Крупная русская община (2000 тыс. человек) сохранилась лишь в Лорийской области: селения Лермонтово и Фиолетово. Остальная часть проживает в крупных городах, прежде всего, в Ереване.

Русская община возникла во 2-ой четверти XIX в., когда присоединение к России обусловило укрупнение границ и включение Армении во всероссийский рынок. Произошло переселение военных поселенцев, а также крестьян, в т.ч. духоборов и молокан. В 1880 г. Русская община Армении насчитывала 23 русских селения, где жили 11283 человека. Второй этап переезда русских выпал на пору советской индустриализации (30 гг. XX в.).

АРМЯНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Армяне – христиане. Армянская Апостольская Церковь (ААЦ) уникальна. Она очень близка к православию, но не идентична. ААЦ возглавляет Верховный Патриарх – Католикос Всех Армян. Традиционно ААЦ имеет три патриарших престола: Католикосат Киликийский (Антилиас, Ливан), Патриархат Иерусалимский и Патриархат Константинопольский.

До принятия христианства армяне так же, как и многие другие народы, были язычниками. Христианство стало проникать в Армению уже в I веке благодаря апостолам Варфоломею и Фаддею. Именно поэтому церковь называется Армянской Апостольской. К IV веку христианство получило весьма широкое распространение, несмотря на жестокое преследование христиан, как и в Древнем Риме. Датой принятия христианства считается 301 г. Армения стала первой страной в мире, где христианство было провозглашено государственной религией.

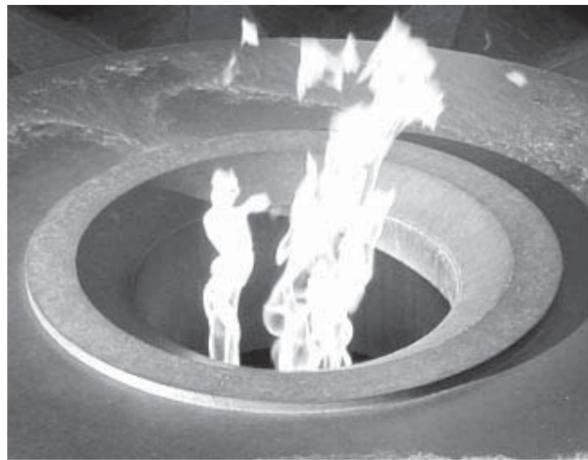
Армянская церковь сыграла чрезвычайно важную роль в истории армянского народа, ибо после утраты независимости стала общенациональной организацией, взявшей немало функций государственной власти. Католикос был верховным судьей, участвовал в выработке гражданских законов, созывал собор – высший совещательный орган армянской светской и духовной знати, и был его главой. Церковные иерархи участвовали в осуществлении внешнеполитических связей. В средние века церковь развивала культуру, науку и способствовала школьному обучению. Все выдающиеся памятники армянской архитектуры так или иначе связаны с церковью: храмы, монастыри, дворцы католикосов.

Поскольку российские власти всегда терпимо относились к ААЦ, в России было много армянских храмов. Это, правда, не касается советского периода, когда репрессиям подверглись все конфессии. Сейчас в России более 40 армянских храмов: в Москве, Краснодаре, Армавире, Владикавказе, Адлере, Ростове-на-Дону, Астрахани, Волгограде, Саратове, Пятигорске, Ставрополе и других городах. Возводятся новые: в Ярославле, Новороссийске, Новосибирске, Зеленокумске, Анапе и других городах России.

Геноцид армян в Османской Турции

Геноцид армян в Османской Турции признан парламентами Аргентины, Бельгии, Польши, Болгарии, Уругвая, Венесуэлы, Голландии, Греции, Италии, Канады, Кипра, Ливана, Литвы, России, Словакии, Франции, Швейцарии и Швеции.

Пока не признан - в США, Великобритании, Германии, Израиле, Турции. Если с Турцией все ясно, почему же остальные страны из этого «протурецкого» списка не признают Геноцид?

Но Огненный Человек (см. фото) не успокоится, пока не будет открыта вся правда об организаторах, исполнителях и тех, кто мог, но не предотвратил это чудовищное преступление против Человечества, и пока весь Мир не признает Геноцид армян в Османской Турции и не осудит виновных.

Калужское региональное отделение «Союз армян России» ОБРАЩАЕТСЯ К ДЕПУТАТАМ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

Обращение в Городскую Думу Калуги

Близится очередная годовщина трагедии, произошедшей с армянским населением Турции в 1915-1922 гг. Результатом совершенного турецким руководством Геноцида стали не только более двух миллионов уничтоженных армян, но и сотни тысяч беженцев, многие из которых нашли убежище на территории России.

Физическое уничтожение армянского народа на его исторической родине было совершено в целях реализации пантюркистских идей о создании Великого Турана на территории от Средней Азии до Балкан, включая Поволжье, Урал, Крым, Южный и Северный Кавказ. Эти трагические события стали прологом ужасающих преступлений против человечества, которыми был переполнен XX век. Но в то же время они явили миру пример высокого благородства и братских уз русского и армянского народов. Русские солдаты и кубанские казаки Кавказской армии грудью защищали собратьев по вере, спасая их от ятагана убийц.

Хотим отметить, что, по инициативе России, великие европейские державы еще в 1915 г. квалифицировали действия Турции в отношении армянского народа как «преступление против человечества», а уже в наши дни Государственная Дума РФ дважды (в 1995 и 2005 гг.) принимала Постановления, квалифицирующие события 1915-1922 гг. как Геноцид и

осуждающие организаторов этого преступления. Государственная Дума РФ однозначно признала, что уничтожение армянского народа на его исторической родине было совершено также в целях создания условий для разрушения России.

24 апреля армяне всего мира отмечают как **День памяти жертв Геноцида армян в Турции**, и мы, армяне Калуги, в большинстве своем являющиеся потомками этих жертв, не являемся исключением.

Уважаемые депутаты, обращаемся к вам с просьбой высказать свое отношение к факту Геноцида армян в Турции на одном из заседаний Городской Думы, предшествующем трагической дате 24 апреля.

Армяне, живущие в Калуге, вносят весомый вклад в развитие города. Надеемся, что армяне Калуги, являющиеся также вашими избирателями, достойны уважительного отношения к себе и к своей исторической памяти. Уверены, что принятое вами решение будет содействовать укреплению межнационального мира и гражданского согласия в городе, а также повысит авторитет городского депутатского корпуса в глазах избирателей.

Калужское региональное отделение «Союз армян России»

Лев ВЕРШИННИН:

«СЮЖЕТ НАДИКТОВАЛА САМА ЖИЗНЬ»

Некоторое время назад один из наших читателей рассказал нам о существовании рассказа Льва ВЕРШИННИНА, посвященного Геноциду армян. После недолгого поиска в интернете мы действительно обнаружили в нем рассказ «Ущелье трех камней»... и поразились тому, как точно удалось автору - не армянину воссоздать реалии и психологию времени. Нам ничего не оставалось, как связаться с автором и задать ему вопросы, которые, безусловно, возникнут и у наших читателей. Лев Рэмович любезно ответил на них. Так что представляем вниманию наших читателей как сам рассказ, так и краткую биографическую справку и интервью с автором «Ущелья трех камней». Фаланга еврейских авторов от Моргентау и Лепсиуса до Франца Верфеля, писавших о Геноциде армян, к сожалению, в давно прошедшие времена, пополнилась еще одним достойным именем.

ЛЕВ РЭМОВИЧ ВЕРШИННИН РОДИЛСЯ 14 АВГУСТА 1957 ГОДА В ОДЕССЕ. После школы он очень хотел стать историком, поэтому с четвертого раза поступил на исторический факультет Казанского университета, где была специальная кафедра истории Древнего мира.

В 1979 году, после второго курса, его отчислили из университета по «политическому» делу. Отработав два года на заводе, Вершинин продолжил учебу на вечернем отделении Одесского университета. Затем он поступил в аспирантуру Московского педагогического института и защитил кандидатскую диссертацию по Древней Греции. В 1982-1989 годах работал в школе учителем истории.

ПИСАТЬ ЛЕВ ВЕРШИННИН НАЧАЛ ЕЩЕ В 17 ЛЕТ, сочинив роман про царя Пирра, на основе сорока страниц рукописи которой впоследствии выросла книга «Приговоренные к власти» о времени диadoхов Александра Великого. Но в литературе он дебютировал как поэт, а первая научно-фантастическая публикация - «Баллада о доблестном рыцаре Гуго» (1986). Активно печататься Лев Вершинин начал на рубеже 1980-1990-х годов, а в последние годы активно занимался политической деятельностью, был депутатом горсовета, заместителем мэра Одессы.

Среди наиболее заметных книг Льва Вершинина можно назвать «Хроники неправильного завтра», «Двое у подножия Вечности», «Великий Сатанг». За повесть «Первый год Республики» писатель был удостоен премий «Странник» и «Меч в зеркале». Кроме того, Лев Вершинин - автор сборника стихов «Страна,

которую украли».

В настоящее время проживает в Израиле. Адрес: http://www.geocities.com/lv_site/

- Лев Рэмович, ознакомившись в интернете с вашей биографией и творчеством, мы не обнаружили даже намека на какую-то вашу жизненную или творческую связь с армянами и Арменией, которые могли бы пролить свет на ваш интерес к теме Геноцида 1915 года. Что послужило стимулом для написания рассказа?

- Так получилось, что мой лучший, самый верный и надежный друг еще с детства и по сей день - армянин. Это совершенно удивительный человек, и друзья у него соответствующие. Так что я Армении не совсем чужой. И, соответственно, для меня была близка тема Геноцида, о котором рассказывали мои близкие друзья. Кроме того, я с детства мечтал быть историком, обожаю читать исторические романы, а потом и монографии по истории самых разных стран и народов. В те дни выбор был невелик, и в числе прочих книг я читал армянские исторические романы: и классические, и современные, и проникся поразительной историей вашей страны и вашего народа. Так что сейчас я знаю историю Армении, наверное, на уровне не самого от-

стающего студента-историка (в свое время даже переписывался с прекрасным армянским писателем Микаэлом Шатиряном по поводу его романа «Серебряный век», посвященного царству Хетумянов).

- Откуда почерпнут сюжет вашего рассказа? Что помогло вам столь правдиво изобразить жизненные и социальные реалии жизни западных армян начала XX века? Как вам удалось столь правдиво передать психологию армянина и описать ситуацию Геноцида?

- Сюжет придумался сам, а надиктовала его сама жизнь. Дело было в 1988-89 годах - в самый разгар движения за освобождение Арцаха, и эта тема была мне очень близка. Что помогло, не знаю. Писалось - как писалось, и получилось - что получилось. Кстати, в то время я послал этот рассказ (тогда еще нигде не напечатанный) в русскоязычный армянский литературный журнал (по-моему, «Литературная Армения»). Считал, что первая публикация должна быть в Армении. К сожалению, опубликован рассказ не был; позже, во время моего очередного приезда в Ереван (обожаю вашу столицу), ребята из редакции объяснили, что никак не могли напечатать, поскольку в рассказе в числе убитых названы курды, а вспоминать об этом (по крайней мере в те дни) было политически нецелесообразно. Я их понял. Так что рассказ впервые увидел свет в Москве.

- Есть ли в вашем творчестве еще какие-либо произведения на армянскую тему?

- Специально - нет. Но практически во всех моих романах (около десятка), даже тех, что о Древней Греции, обязательно появляется положительный герой-армянин (хотя бы эпизодически).

- Как вы относитесь к позиции официального Израиля, как известно, не желающего признавать факт Геноцида вопреки свидетельствам хотя бы самих евреев, первых и наиболее близко воспринявших ужасы Геноцида современников?

- Это чистой воды политика. Израиль слишком дорожит хорошими отношениями с Турцией, чтобы ее раздражать. Когда самые либеральные из израильских политиков поднимают эту тему, указывая, что политика - политикой, но надо же и совесть иметь, их растраивают в порошок, мотивируя это безопасностью государства. Но, даже если это так, такая позиция лично мне представляется безнравственной.

Левон МИКАЕЛЯН.

Лев ВЕРШИННИН

УЩЕЛЬЕ ТРЕХ КАМНЕЙ

Маргарите...

Тупое рыло «льюиса» слегка качнулось и застыло. Теперь, укравшись за тремя большими красноватыми камнями, плотно перегородившими тропу, стрелок мог держать вход в ущелье под обстрелом хоть до ночи, благо патронов хватало. Арам Овсепян погладил вороненный ствол и слегка усмехнулся. Не нужно волноваться: от зажатой злости руки дрожат. А сбивать прицел совсем ни к чему.

Впервые за много дней ничто не мешало спокойно отдохнуть. Разве что пыль. Черная корка стянула потрескавшиеся губы, постоянно подталкивая отвинтить крышку фляги и сполоснуть рот. Но в этом не было смысла: сгусток в горле на миг отступит, чтобы тотчас вновь подкатиться к гортани. Да и воду следовало экономить. Что ж, пыль - не пуля - стерпеть можно. В Ливии бывало хуже: мельчайший, почти мучной песок висел повсюду, забивал глаза, кровавым кашлем рвал легкие. И воду там подвозили лишь раз в три дня.

Ливия... Овсепян отчетливо услышал гул темно-синего

прибора, накатывающегося от горизонта и вгрызающегося в желтый песчаный берег. То и дело шум волн гас в коротком громе, а спустя мгновение за спиной Овсепяна, там где еще огрызалась в сторону моря батарея, взбухали высокие, распадающиеся в воздухе столбы. Итальянские крейсера стояли совсем близко от побережья, развернув элегантно, сияющие под ярким солнцем башни, и бортовые орудия с методичностью метрономов выплевывали оранжево-черные клубы. Прикрытые артогнем к берегу шли вельботы, быстро увеличиваясь в размерах: уже ясно можно было различить вертикальные полосы на кормовых флажках. Люди с винтовками прыгали прямо в буруны - многие уже не вставали из пены. «Льюис», вот такой же, вытаскивал злобные очереди, вырубая экипажи вельботов, и Овсепяну не удавалось даже перевести дыхание, на миг оторвавшись от прицела.

Удерживать форпост было невозможно. Это поняли даже темные новобранцы из недавнего пополнения. И потому они разбежались, спасая себя. Но это были турки, и им можно было заботиться о своей жизни. Овсепяну бежать было некуда. Побег он - и майор Вахид Торлак скажет наконец давно приготовленную фразу: «Ну что ж, господа, армянин есть армянин!» Да, именно так скажет он в офицерском собрании, уже не опасаясь, что капитан Овсепян ответит ему пощечиной...

Солдаты в маленьких шляпах с петушиными перьями бежали, увязая в песке, на ходу стреляя из многозарядных винтовок, пляж был покрыт тихими бугорками в мундирах аскеров Его Величества Султана; оборона на этом участке триполитанского побережья пала..., но пулемет передового расчета косил наступавших до тех пор, пока не щелкнул, выкинув последнюю гильзу, рубчатый диск. А потом победители окружили умолкшую огневую точку, и один из них, ошеломленно глядя

на кипарисовый крестик, выбившийся из под ворота офицерского кителя, спросил на подпорченном французском: «Вы... христианин?!»

В дни плена итальянцы были весьма корректны с храбрым османским офицером. Отдельная каюта. Хороший паек. Вежливая охрана. И все-таки Арам Овсепян ощущал себя неким монстром, на которого случайные прохожие оглядываются с любопытством и даже определенной долей брезгливости. Полностью скрыть ее не мог даже судовой капеллан, шумный неаполитанец, интересовавшийся судьбами христиан Востока. Овсепян, впрочем, не обижался. Над миром расцветает двадцатый век; пусть не все еще поняли, что на смену старым понятиям идут новые, но в такое время каждый должен быть на своем месте. А для Арама таким местом была армия.

Ясное осознание выбора пришло еще в юности. Многомудрый город Дамаск, веками переваривавший веры, наречия и прочие условности, измышленные людьми, отнюдь не располагал к замкнутости. Все росло рядом; скверным тоном считалось помнить, какой веры придерживается сосед. О крови не говорилось вообще. Уважение проистекало от веса семьи в городе. Старший же Овсепян... О, когда зятянутый в безупречный сюртук, в больших роговых очках и лаковых туфлях Овсепян-эфенди выходил на прогулку, с ним раскланивался даже мулла Омейядов! Кто же не знал в Дамаске, что без этого армянина почтенный старый вали не предпринимает никаких действий в вопросах торговли? От симпатий эфенди Овсепяна зависели судьбы многих фирм, имеющих филиалы в портах благословенной Сирии. Он, разумеется, не шел на сделки с совестью, но злоупотреблять и не было нужды: и французы, издавна почитавшие Дамаск воротами Марселя, и пунк-

29

туальные немцы, все более докучавшие французам, и шустрые, совсем недавно объявившиеся янки сами находили тысячи предлогов напомнить почтеннейшему Ваагну-эфенди о своем существовании, искренней дружбе и готовности к услугам.

Что и говорить, слово Ваагна Овсепяна имело вес. К пятидесяти годам, погрузнев и полысев, старик отвык от возражений. Возможно, именно поэтому он побагровел, узнав от сына о сокровенных мечтах, ставших твердым решением. «В армию? Прокляну!» - старый Ваагн мечтал о Стамбуле, о школе султанских драгоманов, о дипломатической карьере, наконец - а что?! - для отпрыска Овсепянов из Дамаска в Империи, слава богу, нет закрытых дверей. И вот - горе отцам! - когда

письма, кому надо, отосланы и получены ответы, как и ожидалось, самые теплые - этот щенок Арам («Почему я его не порол?!») просится в армию! В представлении Овсепяна-эфенди армейский офицер стоял в неписаной табели о рангах немногим выше босого полицейского у входа в канцелярию. Потрясенный отец держался за сердце. В ход были пущены все доводы и применены все разумные меры. Мать, бледная, ломала руки. Но, в конце концов, дело старших - предостережь. Если молодость упорствует, следует дать ей идти избранной дорогой. И к вечеру парон Ваагн пожал плечами и, все еще ворча, сел за бюро писать новые письма. Ведь Араму, коль скоро мальчик стоит на своем, надлежало обеспечить место в таком училище, которое достойно славы рода дамаских Овсепянов.

...Странно, но лишь в последние недели, бредя по горным тропам, Арам Овсепян ощутил истинный смысл слов «зов крови». По сути он никогда не знал Родины, хотя в доме с прадедовских времен было много Армении: гравюры, старые книги, хранящие высохшие, прозрачно-ломкие листья, стоптанные башмаки, в которых некогда прибрел в Сирию легендарный прапрадед Багдасар, основатель рода. С детства Арам слышал об Армении: о ней, полувзвешивая глаза, рассказывал худенький, надрывно кашляющий учитель, о ее судьбах скорбели, собираясь порой за кофе, приятели отца. Но заточенная в полуугасшие запахи, в вещи, давно ставшие просто символами, в громкие и общие слова, Родина вряд ли была для Арама чем-то большим, нежели красивая грустная сказка. Или сон, даже не собственный, а дедовский, полученный по наследству вместе с домом, фамилией и кровью.

Здесь, в ущелье, Армения была настоящей. Она матово розовела под лучами полуденного солнца, очень похожая на свои портреты, прикованные резными рамками к стенам дамаского дома. Но... там, в кабинете отца, Родина выглядела уютной, умытой и причесанной; даже скалы казались отшлифованными умелым ювелиром. На гравюрах совсем не было пыли. А истинная Армения оказалась сплошным шероховатым камнем, больно режущим ноги. И ее дыхание горчило; привкус дыма, мешаясь с пылью, давил грудь. Родина горела.

Майора Овсепяна в полку любили. Не только как хорошего товарища, но напоминающего попусту о мелких долгах. Нет, общающаяся с ним основывалась на большем - на единстве помыслов. Совсем недавно, сокрушив престол, в Стамбул вошли младотурецкие части. Слова «множество стран, но одна держава, множество наций - но единый народ!» разлетелись по улицам столицы, дошли до самых отдаленных вилайетов. Конституция влилась в жилы дряхлеющей Империи подобно игристому вину, будоража даже те сердца, которые, казалось, давно уже перегорели на костре несбывшихся надежд. Старик в кофейнях охрипел от споров. Молодежь была едина. Юные турки и армяне, славяне, греки и албанцы с восторгом повторяли имена революционных кумиров: Энвер, Талаат, Джемаль. И все чаще снова: Энвер! Время растило героев, и трон султана стал всего лишь дряхлым, хотя и ярким, символом единства народа Османов.

Все так. Но с некоторых пор отношение однополчан несколько изменилось. Прямо говоря, после Триполитанской кампании, увя, не принесшей лавров офицерскому корпусу Его Величества, Арам Овсепян был одним из очень немногих, удостоенных не только повышения, но и высшего ордена Империи за образцовое исполнение долга. Именно так указывалось в приказе. Старенький паша, вручая герою награду, обнял его и назвал «истинным львом ислама». В строю хихикнули: почтенный ветеран Крыма явно перешагнул тот порог, когда старость еще можно назвать мудрой. К ордену приложили личный памятный дар султана - перстень

с большим сапфиром. Старый Овсепян в Дамаске важно принимал поздравления от родни и сослуживцев и, выразив в письме к сыну свою отцовскую гордость, удвоил сумму, ежемесячно направляемую в Стамбул на имя капитана - нет, отныне майора! - Арама Овсепяна. Однако с того же дня в отношении сослуживцев нечто надломилось. К радости за однополчанина пришевалось чувство, которое сами офицеры, конечно, отказались бы анализировать.

После того как в Ливии целые дивизии вместе со штабами сдавались итальянцам без выстрела, орден на груди христианина шокировал. Вне зависимости от чужих и собственных желаний Арам-бей оказался белой вороной. Разумеется, господа офицеры не выказывали возникшего холода... только майор Вахид Торлак открыто нарывался на скандал, крича о «продажных псах, грабивших мечеть пророка», - но майор Вахид был дурак, а дураков в столичном гарнизоне насчитывалось, к счастью, еще меньше, нежели христиан-орденоносцев. Никто не поддерживал Вахида Торлака, его, напротив, одергивали, порой достаточно резко. И все же, все же...

Время в ущелье словно застыло и, хотя солнце почти не продвинулось к западу с той минуты, когда Арам остался один на тропе, казалось, что минуло уже много часов. Высоко над клыками скал парил орел, снизу похожий на крест с непомерно вытянутой переключной. Окращенное небо! Оно не могло быть иным здесь, где кресты были повсюду: на кладбищах, перекрестках, стенах домов; даже обычные камни встречали прохожих этой меткой. Кресты не бросались в глаза, нет, они проникали в сознание, их можно было даже не замечать, но вскоре их присутствие ощущалось просто с воздухом, с шагом, с усталостью в растертых ногах. Да, именно так! - кресты были неразрывно связаны с болью, словно каждый, проходивший по этой земле, оставил ей свои горести, и они впечатались в камни на обочинах горных троп знаком искушения. Дома, а тем более в полку, Арам не слишком часто задумывался о смысле креста. Это был просто символ, если угодно - знак принадлежности к конкретной общине. В Дамаске христиан было достаточно, на любой вкус: и като-

лики, и православные, и григорианцы, и приверженцы странных сект, упорно хранящих свои истины (или заблуждения?) уже много веков. Сама пестрота располагала к сомнениям. Истово верили старики, но они были людьми ушедшего века и постепенно уходили вслед за ним. В какой-то степени таким был и парон Ваагн. Но для Арама всегда было странно углубление в религиозные тонкости. На улице XX век! Довольно было слов, пришло время действий! Как грибы, росли кружки, иные исчезали, другие становились партиями. И все они так или иначе поддерживали очистительный огонь революции, рожденный штыками младотурок.

Впрочем, майор Овсепян не ходил на сходки. Армия должна быть вне политики, она оплот новой эпохи и лишенная права дробиться на фракции и ячейки. На квартире Арам-бея с портретом отца соседствовал портрет Энвера. Герой смотрел внимательно и строго; лишь темная челка, спадавшая на лоб, указывала, что Энвер в сущности еще юноша, немногим старше тысяч своих обожателей. Они с Арамом могли бы стать друзьями, сведи их судьба раньше. Но теперь майор Овсепян четко сознавал разницу между рядовым армейцем и Вождем народа, несущим бремя определения его судеб.

Нет, атеистом Арам-бей, разумеется, не был. Кипарисовый - дерево скорби! - материнский крест под рубашкой стал привычным, словно прирос к коже. И молитву на ночь майор тоже редко когда позволял себе не творить - скорее, из уважения к отцу, заклинавшему не забывать о кресте в далеком Стамбуле. Но лишь теперь, в настоящей, а не придуманной Армении, крест открылся сыну Дамаска своей особой, сокровенной, сутью. Люди приходят и уходят. Их сгибают, ломают, жгут, оставляя выбор: жить, перестав быть собой, или остаться собою - и умереть. Что есть жизнь? Жители этих скал нашли ответ в кресте. Знак смерти, принятый как откровение, делал ее лишь дверью в иную жизнь. Не потому ли даже небо страны армянской помечено крылатым крестом? О большой войне заговорили как-то сразу. Еще накануне европейская грызнья была далекой и занимала лишь с точки зрения теории; коллеги поговаривали, что неплохо бы выхлопотать командировку наблюдателем на фронт. А потом вдруг стало ясно, что ни партия младотурок, ни революционное правительство не останутся в стороне от грандиозной битвы, охватившей почти всю Европу.

Вечером того дня, когда споры прекратились и в част-

ях гарнизона установилось ровно-напряженное ожидание, в дверь квартиры майора Овсепяна постучали и через порог, смущенно улыбаясь, шагнул Реджеб-ага, командир полка. Арам вскочил, задерживая полы халата, но Реджеб-ага не обратил внимания на одеяние офицера.

- Простите за вторжение. Могу я присесть?

- Разумеется, прошу вас! - Овсепян торопливо сбросил газеты с кресла. Визит был неожидан, но удивляться не следовало: если полковник счел нужным навестить майора, значит, на то существуют веские основания.

- Чашечку кофе, Реджеб-ага?

- Нет, благодарю вас, Арам-эфенди.

Последнее слово, подчеркнуто штатское, неслужбное, далось командиру полка с некоторым усилием. Служака до кончиков ногтей, он не употреблял таких слов годами. Реджеб-ага, хотя и не принадлежал формально к младотуркам, пользовался в армии авторитетом, и с его мнением, по слухам, очень и очень считались в окружении самого Энвера. Ночной визит не мог быть вызван пустяком.

Какое-то время помолчав, командир полка нагнулся и, подняв с ковра газету, разгладил ее на колене.

- Читали, Арам-эфенди? Похоже, скоро начнется.

- Так точно.

- Вот в связи с этим. . . - Реджеб-ага смахнул газету и заговорил быстрее, подгоняя слово к слову, точно подготовленные заранее. - Выслушайте меня, майор. Я к вам сугубо конфиденциально. Из штаба пришел приказ о повышенной готовности. Вы понимаете?

- Простите, ага, не совсем...

Майору Овсепяну в самом деле было неясно, чему он обязан ночным визитом. Сообщение о приказе? Абсурд! Весь гарнизон столицы узнает об этом не позже завтрашней поверки.

- Арам! - почти шепотом выдохнул вдруг полковник. - Я не вправе разглашать детали, но поверьте, мне очень хотелось бы... Впрочем, прочтите и подпишите. Прощение я рассмотрю без проволочек.

... Диск «льюиса» мерно отщелкивал обороты. Арам доставал патроны из глубокой корзины, протирал рукавом и загонял в лунки. Те, кто вот-вот появится на входе в ущелье, получат сюрприз, громкий и долгий - до тех пор, пока жив Арам Овсепян. Быстро его не убьют: три высоких камня, прямоугольным треугольником перегородившие тропу, самой природой предназначены под пулеметную точку. Такого мастерства он не видел и на учениях. Камни стояли... вернее, два из них стояли, наклонясь друг к другу, а третий, узкий и длинный, лежал на земле, соединяя основания стоящих, и на нем удобно уместился тяжелый стол пулемета.

Пулеметы вообще были слабостью Овсепяна. Имелась в них некая завершенность, полная целесообразность, которой недоставало и аскерским винтовкам, и личному офицерскому оружию. Еще в училище, курсантом, Арам получал высшие баллы за сборку и разборку механизма. Хотя с закрытыми глазами. И - безразлично, какой системы. Но среди не столь уж многоликого пулеметного племени у курсанта Овсепяна были и любимчики, и золушки. К примеру, много ли изящества в тяжелом, как зад евнуха, «максиме»? Или в «гочкисе», худом и голенастом, созданным французами, надо думать, по образу и подобию их спутниц жизни? «Шош» - это уже лучше. Но все же именно с «льюисом» добывал Арам-бей капитанские галуны, начиная службу на немирном пограничье в ливийской пустыне. С ним же заработал нашивки майора, сражаясь с итальянским десантом под Бенгази. Старый друг не подведет и сейчас.

Овсепяна взяли на рассвете, два часа спустя после ухода Реджеб-аги. Теперь-то Арам понимал, что полковник, не имея права разглашать приказ штаба, пытался все же в меру сил спасти образцового офицера. Высокое благородство! - пусть даже ага действовал не из личных симпатий, но исходя из интересов полка накануне войны. Быть может, подпиши тогда майор прошение о «принятии истинной веры» - и судьба его сложилась бы иначе. А впрочем, вряд ли. Реджеб-ага, служака старого закала, наивно полагал, что резать опять будут иноверцев, подогревая перед войной страсти. Да-а... Арам, разумеется, отказался, но тактично: к чему обижать немолодого доброжелательного человека? Он просто поблагодарил за честь, сказал несколько общих фраз о том, что Бог не в форме, а в сути, и пояснил, что таким наследством, какое ожидает его, пренебрегать не следует, а отец, узнав об отступничестве, - «ну, вы же знаете наших стариков, Реджеб-ага!».

Уже намного позже, дробя киркой гранит в Дейр-Зоре, меченый крестом смертника Овсепян понял, как жестоко ошибался благородный Реджеб. Рядом надрывались, высыхая на глазах, священники, адвокаты, учителя, попадались даже депутаты парламента, хотя эти не проживали и двух дней. Остальным везло меньше. Пожилые, солидные, они умирали трудно. Но перед тем, как лечь под мраморную крошку, успевали в бараках хоть что-то объяснить тем, кто еще пытался понять случившееся. Эти заживо мертвые старики знали многое, ведь до ареста это были известные, влиятельные люди... В иные времена и намека любого из

⇒

них хватило бы, чтобы решить судьбу не то что Арамбея, но и самого аги. К примеру, Хайр-Акоп.

От Хайр-Акопа Арам узнал, что стал сиротой. Он был тогда еще глуп, хуже Вахида Торлака, и по ночам вслух мечтал написать Энверу, а еще лучше - бежать и добраться до Стамбула, чтобы Вождь узнал обо всем и пресек, и наказал изменников, вырубаящих под корень армянскую нацию, а с нею и великую идею единого османского народа. Кретин! Хайр-Акоп, принявший последний вздох Ваагна Овсепяна в вонючей теплушке на перегоне близ Кайсери, посмеялся. Тихий, грустный смех человека, уже не имеющего сил рыдать. «Мой юный друг, ваш Энвер лично подписал приказ о депортации. Зачем? Ну хотя бы потому, что турецкий торговец не выдерживает конкуренции. Мы торгуем тысячами, а турки еще только учатся...»

Да, это звучало дико. Но чем, кроме дикости, объяснялся ужас, творящийся вокруг? Ежедневно в Дейр-Зор прибывали новые эшелоны. Трупы никто не считал; их, вместе с больными, прикладами сбивали с повозок, а не вставших по приказу скидывали во рвы и забрасывали мрамором и сухой землей, не обращая внимания на стоны. Арам держался. Так приказал Хайр-Акоп. «Не смейте, мой друг, жертвовать собою впустую. Два-три негодяя ничего не изменят. Вы - обученный офицер, ваша жизнь нужна нации. Бегите, если можете; ваше место на севере... русским выгодно поддерживать борьбу армян». На следующий день после того, как в ров упало окровавленное тело Хайр-Акопа, Овсепян бежал. Он не кидался на охранника, не продумывал детали побега; возможно, именно поэтому ему повезло, миновав посты, затерявшись в степи. Везло и позже. По магометанским землям, прячась от людских глаз, беглец сумел-таки выйти к предгорьям. Как выжил - разве вспомнить? Помнил, что нужно выжить. И идти на север. Так велел Хайр-Акоп.

Внизу горели села. Тяжелый дым, клубясь в стоячем воздухе, медленно растекался по долине, оседая на землю слоем копоти. Почва отливала красным, как камни гор: она далеко вглубь пропиталась соком вытоптанного винограда. Впервые те, кто резал армян на армянской земле, покушались на лозу. Обычно, казня людей, ее щадили, чтобы выживший делал солнечное вино. Теперь лозу растирали в ничто, и это значило, что отныне Армении вообще отказано в праве быть. Люди уходили в горы. Точнее сказать, те, кто остался. Молодых мужчин увели из сел в самом начале, когда еще казалось, что происходящее - обычная резня. Теперь, поняв все, люди брели к перевалу. Там, на севере, лежала граница, за которой позволяли селиться и не резали. Пропахи смрадным дымом, по тропам шли толпы, однако до вершин добирались только самые крепкие. Первыми отставали старики. Подростки пытались вести их, но седые деды отстраняли участливые руки и садились на обочинах троп, спокойно и медленно крестя уходящих. А потом не стало сил у женщин...

Когда Арам встретил одну из таких групп, в ней уже не было ни стариков, ни слабых. Только молодухи с трудно дышащими детьми и подростки, измученные и постаревшие; они брели, цепляясь друг за друга. Вел их священник. Громадные глаза горели под густыми бровями, и желто-серая спутанная борода болталась ниже веревки, подпоясывающей разорванную рясу. До границы было совсем близко, но люди были обречены и знали об этом: курды из предгорных деревень шли по пятам. Этих мертвецов следовало обогнать: у Арама, озлобленного и усталого, сохранялось достаточно сил, чтобы дойти до перевала. Им это было уже невмочь. Но у каждого в этом сонме призраков на груди качался крест, такой же, какой сорвал с шеи майора Овсепяна вместе с ключьями кожи руководивший арестом Вахид Торлак. И еще у них был пулемет. Откуда? Лишний вопрос. Новенький, блестящий от смазки, как он обрадовался Арам-бею!

... Курды появились внезапно, словно выпали из легкой дымки, курившейся на входе в ущелье. Их было около сотни, и они шли торопливо, спеша нагнать уходящих. Чиновник из города утром похвалил их за бдительность и выдал бумагу на право владения имуществом мятежных иноверцев. Радуюсь, курды, однако, с крестьянской основательностью не верили буквам, пока в живых оставался хоть кто-то из законных владельцев. Поэтому каждая семья выделила по юноше и дала наказ: истребить ушедших, дабы никто впредь не мог явиться и предъявить права на дом и скотину.

Юноши в цветастых куртках, головных повязках и шароварах с обтрепанными штанинами пересмеивались. Они вышучивали какого-то Якуба, который шел среди них и собирался жениться немедленно после возвращения. Овсепян не вполне понимал сути шуток, но, кажется, все дело было в какой-то кровати: она стояла в доме, куда вселилась семья Якуба, и приятели настойчиво выясняли, не получатся ли в результате использования этой кровати маленькие армяне вместо благородных курдских младенцев. Смех был неестественно громок, в руках поблескивали ружья; издали Арам плохо различал детали, но заметил среди дряхлых кремневок несколько более или менее новых образцов. Винтовки. Так. Значит, армия тоже не осталась в

стороне от резни.

Очередь остановила курдов в сотне шагов от трех камней. Прежде, чем они успели понять, что происходит, пятеро или шестеро уже лежали, уткнувшись лицами в пыль. Остальные, опомнившись, засуетились, затем бросились наземь, стараясь укрыться за некрупными валунами. Курды не боялись, их просто не учили бояться. Но они никогда не видели пулеметов! И необычная, ровно стучащая смерть показалась им злобствованием армянского бога.

Притихшие юнцы распластались на тропе. За несколько минут тишины они поняли, что перед ними просто человек с волшебным ружьем. Чары отгонит молитва. Тихое заунывное пение донеслось до Овсепяна, и несколько пуль злобно цвиркнули, смявшись о гранитный треугольник. «Льюис» молчал, пока комки свинца плющились об алую твердь, молчал, пока у подножия камней взвизжали смерчки. Новая очередь резанула по проходу лишь тогда, когда ободренные молитвой стрелки приподняли головы. По серой пыли поползли струйки - сначала красные, под цвет преграды, но быстро темнеющие, превращающиеся в густую глинистую массу.

Арам Овсепян смеялся, забыв о резкой боли в потрескавшихся губах. Он думал, это будет сложнее. Армейская выучка готовила его к отражению иных атак, и проснувшийся в грязном беглеце майор Его Величества четко просчитал все возможные варианты оборон. На поверку же дело оказалось простым, как разворот налево - кругом. Мальчишки, полудикари! И часа не прошло, а десяток уже валяется головами к перевалу. Сколько их? Будем считать, сотня. Если и меньше, то не намного, так что для круглого счета пусть будет сто. Вернее, уже девяносто. Умения воевать у них нет. Терпения тоже не много. Зато отваги - хоть отбавляй. Сейчас они поднимутся снова. И лягут. И так будет до вечера. К вечеру же, Бог даст, их останется десятка два, так что, возможно, Арам сумеет уйти. Еще очередь. Еще несколько уткнувшихся в черную пыль голов. Игра была не вполне честной: майор Овсепян расстреливал туземцев, как мишени на стрельбище. Еще больше это напоминало отражение атак бедунинской конницы, когда синелицы туареги, завывая, мчались на турецкие окопы и, вскинув руки, падали в песок. Правда, тогда на лейтенанте Овсепяне были не истертые бесформенные лохмотья, а щегольской, шитый говорливым евреем в бенгазийском ателе, мундир, впрочем, изрядно перепачканный и потный.

Из-за валунов послышались проклятия. Обещали сдирать с колдуна шкуру сто лет, но сулили ускорить процедуру, если он сдастся немедленно и добровольно. Парням в шароварах было неуютно. Но им очень хотелось исполнить приказ большого эфенди, пьющего кофе вместе с их отцами, и получить за это цветную материю для невест, новые ружья, много бус и зеркал. Для обладания всеми этими сокровищами надлежало всего лишь предъявить армянские уши. Но сначала, как выяснилось, придется встать в полный рост и заставить замолчать волшебное ружье...

Совсем рядом, на волос разминувшись с виском, взвыгнула пуля. После четырех очередей, изрядно проредивших толпу, курды уже не спешили: вжавшись в пыль, они беспорядочно стреляли на звук. Будь на их месте аскеры, Арам был бы уже мертв. Но, даже не имея понятия о методическом огне, курды знали толк в охоте: удачливые добытки, снимающие с отрогов горных козлов, они понимали, что рано или поздно одна из пуль найдет-таки проклятого армянина. Камни звенели. И в тот момент, когда над тропой вновь приподнялись цветастые фигурки, вынуждая Арама, забыв об осторожности, припасть к прицелу, это случилось. Резко обожгло шею и, проваливаясь в красно-черную мглу, Арам Овсепян ясно увидел, как падает на утесы из багряной высоты армянского неба громадный орел, крестообразно раскинувший крылья. Сын Ваагна отбросил о кожаный панцирь окровавленную ладонь. Стрела шла верно. Но - хвала Тейшебе Могучему! - в последний миг, уже спуская тетиву, рука лучника дрогнула и бритвенно-острая бронза лишь чиркнула по шее, вспоров кожу. Из горячей раны на грудь текла кровь и мгновенно высыхала под жаркими лучами, стягивая тугие кольца бороды в безобразные комки. Но сын Ваагна был жив, и по-прежнему руки набухали мощью. А у стоящих перед ним уже не осталось стрел! Щит, истыканный жалыми тростинками, валялся у ног, он походил на ежа и был бесполезен. Но теперь те, которые нападают, уже не могут убивать издали. Чтобы пройти через ущелье, им придется подойти и убить урарта, закрывающего собою узенький проход.

Выиграть бы еще немного времени! Малыш Гнэл уже скрылся за поворотом, сейчас он мчится наверх, к перевалу, держа дыхание на бегу, как учили старшие. Сын Ваагна с насмешкой смотрел в глаза не решающимся приблизиться ассирийцам. Псы! На них, против обыкновения, нет доспехов - тела прикрыты только войлочными безрукавками. Ха! Легкость нужна была им, легкость и быстрота бега, чтобы с ходу ворваться в сторожевую крепостцу и перебить порубежников. Тогда не встанет над перевалом сигнальный дым, и войско Ашшура хлынет сквозь ущелье к беззаботной столице. Тейшеба Могучий не допустил! Случай ли, воля ли Вла-

дыки, но сын Ваагна и Гнэл вместо горных коз встретили здесь лазутчиков врага - и теперь им не пройти раньше, чем над крепостцой поднимется черный столб.

Ассирийцы скалили зубы, ослепительно белеющие в обрамлении кроваво-красных ртов и смоляных завитков бород. Они выкрикивали мерзкие ругательства, но подходить не спешили, ибо стрелы иссякли, а метательные копья, грозные молнии страны Ашшур, остались в лагере ради легкости хода. Для убийства врасплох десятка стражей с лихвой хватило бы стрел и коротких кинжалов. Но урарт, стоящий посреди тропы, сжимал в правой руке длинный, кованный в горах меч, рядом с которым смешными казались ассирийские клинки. Урарт улыбался невыносимо оскорбительно, он вызывал на бой, один - всех скопом. Сыны Ашшура кусали губы, подавляя страх, они ждали момента, чтобы кинуться по-волчьи, стаей... и в тот миг, когда первый из них, визжа, рванулся вперед, сын Ваагна, забыв о боли в рассеченной шее, взметнул навстречу смельчаку тяжелый синеватый клинок.

- Тейшеба!

Рассеченное наискось тело еще визжало, падая, а в проходе уже кружилась, взметая клубы пыли, сплетенный комок. Ассирийцы окружили урарта, пытались достать его короткими до сизо-желтого сияния заточенными кинжалами. Но длинный меч описывал круги, и тот, кого касалась жужжащая полоса, застыл, роняя оружие, резко глотал воздух и заваливался вверх лицом на мелкие камешки, изобильно валяющиеся в пыли. Порой, словно по команде, ассирийцы отскакивали, злобно щерясь. О, будь за спиной камень! Но чиста тропа - и лишь в мече защита... И вновь, выставив лезвия кинжалов, кидались в атаку кровавогубые воины - до тех пор, пока над перевалом, необычайно ясная в прозрачном воздухе, не появилась струйка серого дыма, на глазах превращающаяся в плотно скрученный черный жгут.

Ассирийцы взвыли. Отныне они были мертвы, хотя еще и живы: приказ не исполнен и секира погасит свет в глазах не позже возвращения в лагерь. А всему виной - урарт с длинным мечом. И они бросились, не раздумывая, и еще трое упали под ударами, но четвертый исхитрился проскочить под гудящей сталью - и, уже не чувствуя боли, сын Ваагна медленно опустил на колени в алую пыль, и в стекленющих глазах его отпечаталось последнее, что дал ему увидеть Тейшеба Могучий: в синем небе гор пылкий ключья дыма, похожие на победно распростерших крылья орлов...

Молитва не шла на ум, слова путались, но мальчишка, спрятавшийся за большим красноватым камнем, нависшим над тропой, повторял их снова и снова. Тяжелая сумка оттягивала пояс; за плечами остался перевал и много тысяч шагов. Сколько? Он не считал. Главное - не бояться. Там, в долине, к северу от перевала, стоит войско Вардана. Выются на ветру серебряные и синие знамена с тяжелыми правильными крестами. Их пока еще не много. Их будет больше, когда подойдут нахарары. Уже по всем армянским крепостям разнеслись гонцы весть о приходе беды. В равнинах и на отрогах гор голубоглазые светло-курчавые люди седлают коней, пристегивают к поясам длинные прямые мечи и в последний раз обнимают плачущих женщин. Они идут на север. Но нужно время! И если те, кто сейчас поднимается по тропе, пройдут через ущелье, идти будет некуда.

Высоко, выше самых крутых скал, пылает белое солнце. На него невозможно смотреть, оно рвет кожу, выжигая гжучие волдыри. Солнце - враг. И некуда спрятаться от него. Старый Овсеп, прощаясь, поцеловал внука и сказал: «Иди. Я не сумею. А взрослые нужны здесь». И сам Вардан Спарпет, обнажив голову, склонил ее перед мальчишкой, уходящим на юг. По щекам Овсепя текли слезы, застывая в глубоких ямках, оставленных черной болезнью. А спарпет стоял твердо, и только руки его слегка дрожали, пристегивая к поясу мальчишки тяжелую сумку. «Молись!» - сказал Вардан. Но молитва не утешает боль. Как горят под солнцем волдыри! Крик рвется сквозь губы. Не кричать! Они уже идут. Они не должны заметить сжавшегося под камнем подростка. И он молчит, даже когда к дикой боли добавляется белый, как солнечный огонь, ужас.

Горы! Серые горы, укутанные в яркие накидки! Они неспешно бредут, гуськом выходя из-за поворота и загромаждая вход в ущелье. Бьется о скалы низкий злобный рев - это завывают живые скалы, взметая к небу длинные гибкие носы. Впервые внук Овсепя видит слонов. От деда, от бывалых людей слышал - но вот они идут прямо на камень, и это ужас, равного которому нет. На цветных поносах - рисунок, один и тот же: равный крючковатый круг, алый на желтом и желтый на красном. Знак ариев, знак Солнечной Веры. На спинах у слонов - погонщики и стрелки; персы весело переключаются, с вершины одной из шагающих гор вдруг раздастся песня - красивая песня, лихая и почти понятная. Но внук Овсепя не слушает. Он убивает в себе страх, потому что пришло время исполнить волю спарпета.

Первая глыба, пахнув на странный, словно колено-преклоненный, красный камень спертым дыханием, проп-

49

лыла мимо. «Обязательно пропусти одного, лучше даже двух», - сказал Вардан. Так, прошел второй. Теперь - пора. Мальчишка расстегивает сумку и выскакивает на тропу. О Боже, сила твоя со мной! Из распахнутой сумки летят, рассыпаясь, под серые морщинистые колонны колючки-ежи. Взмах руки, другой, третий! Лучники, вопя, мечут стрелы с высоты в крутящегося под ногами слона мальчишку. Но попасть трудно, он маленький и верткий. А слоны уже режут от боли: в подошвы впились сотни ядовитых жал, ступни горят, боль затмевает разум животных быстрее дурманного напитка. Цепь распадается, слоны поворачивают назад, к проходу, сминая выходящую из-за поворота пехоту; они сталкиваются лбами, опрокидывают один другого. Ущелье запечатано: погонщик третьего в цепи слона ударом молота убил зверя, спасая свою никчемную жизнь.

Лопаются подпруги, переворачиваются башенки, увлекая за собою лучников. В суматохе можно уйти - самое время, им не до него! Но внук Овсеп продолжает швырять колючки, их еще немало в сумке. И разбрасывает их до тех пор, пока гибкая серая змея, окольцованная медными браслетами, - сверху, под самыми бивнями, не сбивает его с ног, разозлив о преклонивший колени над тропой красноватый камень. Дед - откуда он здесь? - заглядывает в глаза и показывает на север, где полощется на синем горном ветру серебряное знамя с крестом и парящим над ним хищноклювым орлом...

Нет блага выше, чем жизнь. Полвека Тер-Багдасар утверждал это, а сейчас готов просить паству отпустить ему грех невольной лжи. Он, несущий сан священника, заблуждался: высшее благо - смерть. Но умирать нельзя. Низко, почти над скалами, висит солнце, большое и багровое. Ласковое тепло ползет по лбу. Прощай, солнце. И подожди немного, не прячься. Ты уйдешь и придет тьма, а с тьмою - смерть. А умирать нельзя.

Священник вырос в этих краях и знал их не хуже Писания. Да что там, лучше! Сын пахаря, волею Божией ставший пастырем малого стада Христова, он не учился в Эчмиадзине, и благородные древние книги стояли на полке, так и не открытые ни разу со дня смерти прежнего тертера. Но, воистину, для верящего суть выше образа. Жители предгорных сел верили своему наставнику, ибо он был одним из них и умел без лжи облегчить страдания жизни земной.

Здесь все было знакомо Тер-Багдасару. Узкое ущелье с тропой на перевал в далеком детстве было излюбленным местом игр. Ведь здесь водились змеи! Мальчишки ловили их. Лучше всего в тот миг, когда всплунутая, ненавидяще шипящая живая лента, вытянувшись в струну, кидалась вперед. Тогда и проверялось, мужчина ты - или мокрый лаваш. Удар палкой влет! Еще один - по уже сбитой! И - каблук по треугольной в желтых точках голове. Тогда о смерти не думалось: даже змеи, умирая, словно продолжали игру. Они крутились, извивались, жили, а когда, наконец, затихали, став прямыми и спокойными, все равно казалось, что это лишь притворство.

Эти места - родной дом Тер-Багдасара. А ряса - хоть

малая, но надежда, что не заподозрят. Поэтому именно он пошел на север к перевалу, неся на груди то, что передал бродячий певец-гусан. Но для соседей-магометан здешние предгорья тоже родные. Поэтому ему не удалось встретить идущих с севера. Он успел лишь проглотить клочок бумаги, взятый у гусана, когда отряд стражников-заптив настиг его у двух красноватых камней. Эти камни знакомы с детства: громадный, словно преклонивший колени, и второй, поменьше, тесно прижавшийся к первому верхом и будто подпирющий его. Уже связанный по рукам и ногам священник видел, как старший заптив расплачивается с проводником. Они держались как старые приятели, хотя стражник был из пришлых, назначенных сюда недавно, после разгрома янычарского бунта в Стамбуле, а проводника-тюрка Тер-Багдасар знал с детства. Они вместе охотились на змей, живших под этими камнями. Теперь змеи исчезли. Куда им до людей?

Стражники стояли тесной группкой, пока старший рассчитывался с проводником. Судя по всему, заптив не поспешил; священник уловил обрывок фразы: проводник благодарил за щедрость и просил не забывать его, верного мусульманина, если когда-нибудь опять понадобится услуга. Потом он ушел. И заптив сомкнулся в круг над лежащим меж двух камней человеком в порыжелой, неумело заштопанной рясе. И стало больно. Даже солнце покраснело от крови. Или от стыда? Не убегай, солнце, не бойся - людям не добраться до тебя, они творят такое только с себе подобными. Не уходи. Тьма - смерть. А умирать нельзя. Гусан сказал: в этой бумаге - сотни жизней и судьба Родины. А бумага съедена, значит - нужно жить...

На земле, меж двух кровавых камней, копошилось нечто, полуприкрытое обрывками окровавленной, выжженной до сера материи. Вокруг, втопанные в пыль, валялись клочья седых волос, слипшихся от крови и - но для остального нет названия в людском языке. Колонна людей, вышедшая в ущелье со стороны перевала, стояла в оцепенении. Многих трясло. Иные, согнувшись, вываливали в бурю жижу съеденное на полуденном привале. Тускло посверкивали в отблесках пурпурных лучей тяжелые ружья с длинными штыками, и пятна-отсветы прыгали по лицам, выделяя соломенные щетки усов и светлые - серые, синие, голубые серверные глаза.

Широкоскулое рябое лицо выплывает из тумана. Как темно! До... ждал... ся... Что? Друг, говори громче... Не слышит. Я мертв? Нет, бумага гусана должна заговорить. О Господи, дай силы! Бескровно-синие губы раздвигаются, обнажая багровое месиво десен:

- Брат, передай Ермолу... там, внизу... пехоты пять ты... сяч... конных два бюлюка... Есть пушки. Скажи Ермолу... брат...

Прыгают брови, светлые-светлые даже в сумраке, дергаются усы, теплые капли падают на лоб. Плачет... Почему? Я же не умер, я же успел пере... Тьма. То, что миг тому назад выхрипывало с бульканьем и присвис-

том обрывки фраз - равных жизни для спустившихся с перевала! - умолкло. Челюсть отвисла. Лишь в глазах еще теплится что-то живое. Зрачки, громадные, почти без райка, неотрывно смотрят на грудь плачущего штабс-капитана. На пуговицы, в которые намертво запечатаны поджавшие хищные когти двуглавые орлы...

... Двенадцать молодых курдов сгрудились над залитым кровью пулеметом. Вожак, широкоплечий узколицый красавец с пушистыми, любовно закрученными усами, низко пригнул растрепанную голову и на его гладком, словно обтесанном лице играли желваки. Ничего, кроме проклятий, не услышит он в родной деревне. Армян уже не догнать. Они за перевалом, по ту сторону границы. Шесть часов вылежали правоверные в пыли под дулом колдовского ружья. И восемь десятков гордых юношей уже не встанут с тропы. Этой ночью курдские села в долине заплачут.

Уловатые, натруженные пальцы вожака судорожно сгибались. Армянская тварь, стрелявшая по правоверным, должна быть наказана! Пусть мертвую, ее следует изрезать на куски, чтобы во дворах курдских семей, потерявших сегодня своих соколов, собаки разгрызли ключья мерзкой плоти. Но стрелка не было. Только пулемет, минуту назад умолкший, раскаленный. Тропа заплыла кровавой жижей. Курды стояли вокруг лужи, не протягивая к «льюису» рук: можно было испачкаться во вражеской крови, а это очень худая примета. Стрелок погиб уже давно - даже колдуну не выжить, потеряв столько жизненной влаги. Но длинное ружье стреляло! И тело исчезло... Этого курды объяснить себе не могли. Ни следов, ни кровавой полосы; тропа за камнем была чиста.

Курды испуганно переглядывались. Необъяснимое страшило горцев, хотя пугливость почиталась среди них величайшим пороком. И потому одиннадцать младших облегченно вздохнули, когда вожак молитвенно провел ладонями по вспотевшему лицу и выдохнул:

- Шайтан унес подлитоком и человеком дела, а потому муки! Аллах акбар!

- Аллах акбар! - откликнулись остальные. И они повернули вспять, на юг.

Медленно побрели в осиротевшие села, неся горькую весть семьям правоверных.

Очень медленно потащились друг за другом, не оглядываясь больше на проклятое, отмеченное печатью ада место.

Сумерки ворвались в ущелье, настигая курдов. И лишь большие, совсем багровые во мгле камни еще какое-то время были видны. Естественной баррикадой заслоняли они дорогу на перевал. Почти правильный вертикальный треугольник, образованный тремя глыбами, надежно прикрывал испачканную кровью «льюис» и четвертый камень, распластаный в спешке кровавой корке, как стрелок, только что отвалившийся от пулемета...

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕК НАРОДА

12 июня десятому премьер-министру РА Андранику Маргаряну исполнилось бы 56 лет. Он родился в 1951 г. в Ереване, в 1972 окончил Ереванский политехнический институт. Если бы в 1965-1968 гг. юному члену подпольной «Национальной объединенной партии» сказали, что он станет премьером свободной Армении, он вряд ли поверил бы. В 1974-1976 гг. Маргарян был осужден за политическую деятельность. Он был из поколения «шестидесятников», которым посчастливилось увидеть родину свободной. РПА стала преемницей «Национальной объединенной партии», которой Маргарян оставался верен всегда.

Именно в тот момент, когда страна вновь нуждалась в его присутствии, обеспечивающем равновесие, премьер-министр, партийный лидер Андраник Маргарян покинул правительственное судно, покинул нас. Подвело сердце. Именно тогда, когда он готовился в эти дни еще раз отправиться во Францию на медицинское обследование и операцию. Впереди - парламентские выборы, результаты которых определяют исход предстоящих президентских выборов независимо от того, какого характера были и есть внутренние договоренности, выполнение которых во многом зависело от присутствия Андраника Маргаряна. Почему и с его смертью ускорятся процессы, может быть, даже раскроются некоторые карты, которые должны были раскрыться позднее, или же вообще не были бы разыграны. Во всяком случае, с его отсутствием в верхних звеньях власти растет количество интриг, угрожая внутренней политической стабильности. Параллельно углубляется недоверие граждан к властям, так как Андраник Маргарян был там единственным или почти единственным народным представителем.

И именно в плане народного доверия покойный варчапет был своеобразной личностью. Не выступал по

всякому поводу по телевидению, не был красноречив.

Своим добродушием, человечностью, простотой поведения, рассудительностью он завоевал сердца людей, будь то соседи, коллеги, народ в целом. В нем был местный армянский колорит, который сближал его с народом. Армянским было и его отношение к собственному здоровью. Люди, которые имели возможность работать или общаться с ним в экономической или политической сфере, отмечали его пронизательность, деловитость, умение правильно оценивать возможности и ситуацию, а представители интеллигенции в его лице нашли мецената.

Он не умел красиво говорить, зато умел работать и добиваться результата. При этом никогда не отрицал своих ошибок, не закрывал глаза на недостатки, говорил и о неравномерном распределении доходов, и о социальной поляризации, и о многом другом, но говорил спокойно, без истерик и надрыва. Никто никогда не видел его на публике в состоянии крайнего возбуждения или истерии, столь свойственных нашим деятелям от политики, он никогда не повышал голос, не кричал с трибуны, не произносил пафосных речей. Он не был рабом собственных амбиций, потому что он был

политиком, а не политиканом, и он был патриотом.

Он умел обходить конфликты, умел договариваться и находить общий язык, умел слушать и слышать оппонентов, был прагматиком и умел работать на практический результат. Он был политиком и человеком дела, а потому не любил крайностей, не любил позировать, не любил и не умел рекламировать собственные достижения и всячески избегал политической шумихи. О его простоте и неприхотливости знали все. Он так и не переехал в правительственный особняк, а остался жить в своей квартире на одной из столичных окраин, где и скончался от сердечного приступа, несмотря на усилия врачей «скорой помощи».

И примечателен тот подъем, который он имел не только как национально-государственный деятель, но и как партийный строитель, превративший в 1990-м слабую Республиканскую партию в передовую партию власти.

И сейчас - одна большая пустота. Политика не любит подобных ситуаций. Закон и необходимость быстро заполнят ее. Тем более, что впереди выборы. Придет новый премьер, который, конечно же, будет отличаться от него, может быть, организаторскими способностями, может, будет более находчивым и умелым. Однако, образ человека народа в верхних властных кругах Армении еще долго будет являться предметом поиска.

Трагически складывалась судьба лидеров РПА. Здоровье Навасардяна подточили советская тюрьма и Карабахская война, через 2 года после его смерти Вагэна Саркисяна убила пуля террориста, через 8 лет не выдержало сердце у Андраника Маргаряна. Все трое были преданы идее независимости...

Светлая им память!

Коллектив журнала «Горцарар» приносит глубокое соболезнование семье Андраника Маргаряна, его родным и близким, всему армянскому народу.

Ненавижу тех, кто повторяет: «Мы — маленький народ»

В армянских кинопоказах, включенных в программу Года Армении во Франции, есть и фильм «Майрик» известного французского режиссера Анри ВЕРНОЯ-Ашота МАЛАКЯНА (1920-2002), автора более сорока картин, многие из которых вошли в историю кино. Недавно исполнилось пять лет, как умер Верной. По этому поводу в Париже был организован вечер памяти режиссера, а также ретроспективный показ его фильмов.

Предлагаем воспоминания безвременно ушедшего журналиста Иосифа ВЕРДИЯНА о встречах с Анри Верноем.

Парижское утро. Девяносто первый год. Мой замечательный друг Микаел Кочарян (он вошел во французскую энциклопедию) вытаскивал из охапки газет одну и небрежно сказал: «Ищи в заголовках Армению». Я стал лихорадочно просматривать названия материалов в пределах своего аспирантского минимума.

— Да будут еще нас в заголовки выносить!
— Ты поищи как следует, — лукаво улыбнулся он.

Снова напряг мозга и зрение, будучи уверенным, что если и упомянута где-то родина, то только в сносках или примечаниях к историческим текстам. Вот что-то про Алжир, кажется, про курдов, об американцах... Запрятанную в уголок информации вообще не понял... Ага, это о пожаре в новом парижском районе... И тут в глаза бросилось слово, вроде родное, но как бы ставшее чужим в окружении французских. Майрик! По моему лицу Микаел понял, что поиск привел в родную гавань.

— Анри Верной снимает фильм «Майрик» по собственной книге.

А теперь переведу название фильма и — не удивляйтесь! — имя знаменитого французского режиссера: «Майрик» в переводе с армянского «мать», точнее и эмоциональнее — «мама», а Анри Верной — псевдоним Ашота Малакяна.

На следующий день мы поехали в Эпине, что неподалеку от французской столицы. Микаел неплохо знал режиссера, благо тот жил по соседству с его дочерью Ани, были у него и другие знакомые в съемочной группе, так что поездка туда обещала многое и, главное, встречу со звездами, занятыми в картине об армянской судьбе на чужбине. Семья кинорежиссера спаслась от геноцида во Франции, и эта дорога страданий стала сюжетным посохом двухсерийного фильма, потрясающего цивилизованный мир. Там, в ста километрах от Парижа, на пространстве искусства встретились мать и сын, два существа, пережившие ужасы жизни, однако сохранившие нежность и благородство.

Обстановка на съемках до того напоминала родную сторону, что французская речь актеров казалась закадровой. Будто Армению дублировали на звонкий французский язык.

Беседовал я с Анри Верноем, конечно, на родном. Он сам его выбрал, предвзвешенно извинившись за... несовершенство. В разговоре глаза мастера становились растерянными, когда он не мог подобрать словесный эквивалент нюансам собственных переживаний и раздумий. Выскажу, наверное, спорную мысль, но, мне кажется, что можно думать на одном языке, а страдать на другом.

— Из Турции мы попали в Грецию и, прожив там два года, переехали в Марсель. Я был лишнего общения со сверстниками, рядом не было армян. Ну а для французских я был пустым местом. Никем. Помню себя играющим в мяч один на один со стеной во дворе. Ощущение невероятной тяжести от непосильной ноши под названием «одиночество» не покидало меня.

Паузы между съемками заполнены исповедью. Но всякий раз Анри Верной возвращается к той точке, на которой прервалась беседа. Разговор о нравственных поисках человека. Стало быть, о самой картине. Вот сняли кадр, он присел на стул, и размышления его воспринимаешь как иллюстрацию к изобразительному ряду.

— Каковы взаимоотношения Ашота Малакяна с Анри Верноем?

— Э-э, дружище, Ашот с Анри сблизился не сразу. Позже Верной вытеснил Малакяна и теперь независим. Независим — да, но можно ли забыть ту культуру, которую впитал с молоком матери? Я читаю, пишу по-армянски, если удается 2-3 дня кряду говорить на родном, то мой армянский становится ясным и гладким.

Французы знают о моем происхождении, ну а тот, кто не догадывался, узнает после этого фильма.

Монолог живой, эмоциональный. Мысль не топорщится складками, она зрела полуночной зрелостью.

— Отказаться от корней значит отказаться от самого себя. Чуждо. С пяти лет держал свечи

в армянских церквях. А церковь не только вера, она и культура. Пел литургию, великого нашего Комитаса. И если я — сын церкви, то, следовательно, и сын армянской культуры. Между прочим, пасхальную сцену для этой ленты группа снимала в Эчмиадзине.

— Все-таки, мастер, творческая судьба к вам милостива, сотрудничали с Бельмондо, Фернанделем, Аленом Делоном, Омаром Шарифом, Клаудией Кардинале... Скажите, не появлялось ли желание пригласить для съемок популярных армянских артистов? Да и вообще, по совести, чем вы обязаны Франции и чем она вам обязана?

— Это разные вещи: Армения и Франция. Сложно объяснить, но постараюсь.

Париж, естественно, культурный центр, может, даже культурный «пуп Земли». Обязан Франции второй культурой, которую обожаю. Однако, без умаления моей национальной культуры. Вообразите: прекрасно живу в обеих культурах! Они взаимодействуют без особых трений и тем самым взаимно дополняют.

Другой вопрос: приглашены ли на съемки актеры из Армении. У нас всегда так: чтобы непременно свои были. Никогда специально не искал армян для ролей. Если попадались при отборе, радовался. Тем не менее с десятком соотечественников заняты в картине. Брал оператора, оказался хорошим профессионалом, да еще фамилия — Ованесян. Славно!

Он весело засмеялся, и мне почудилось, что Ашот Малакян лукаво подмигнул Анри Верной.

Режиссер дал указание оператору, Клаудия медленным шагом поднялась по дощатым ступенькам. Все собралось, сосредоточилось, и Верной заспешил к актерам. Он снял сорок картин. Первый короткометражный фильм «Лестница к солнцу», снятый после войны, оказался удачным. В нем снимался Фернандель, которому Верной многим обязан. За успехом последовали новые. До сих пор у французских на слуху популярные ленты выдающегося режиссера: «Змей», «Сто тысяч долларов за солнце», «Труп моего врага», «Незначительные люди», «Обезьяна зимой», «Страх над городом». Почерку режиссера присущи тончайший психологический рисунок и драматизм. Отсюда — особая философия фильмов.

Как появилась идея картины «Майрик»?

Несколько раз по случаю Верной выступал на телевидении и в узком кругу с рассказами о матери, личными воспоминаниями. Они вызвали восторг у слушателей. И однажды Анри Труайя, с которым кинорежиссер близко знаком, посоветовал ему изложить это на бумаге: «Такая книга обратит на себя больше внимания, нежели бомбы террористов».

Рассказы о матери сложились в сборник «Майрик». Автор дал ему подзаголовок «Рассказ», но это, скорее, жанровое обозначение. Написан он в 1985 году, переведен на десять языков и выпущен общим тиражом 200 тысяч экземпляров. Армянский перевод книги издан в 1988-м в США, мне ее подарили в Нью-Йорке.

На обложке книги, ставшей бестселлером — портрет матери с маленьким Ашотом, еще не Анри, на коленях. Эта фотография с нансеновского паспорта, который вручался армянским беженцам начала прошлого столетия. С края приписана дата: «1924, Афины». Очень грустный снимок.

— Фильм о моей семье, нашем народе. Это — долг перед матерью. — Мастер снова оседлал стул, но начал не с точки, а с нового абзаца. — Он обращен к молодому поколению соотечественников, познающих себя в громадном, плохо защищенном мире. Но я надеюсь, что картина станет другом и для французских, и для людей иного происхождения, кто любит, кому снятся мама и детство и чьи души распахнуты для сострадания к ближнему. Вообще — к живому существу.

— Я обещал отцу рассказать о маме, — продолжает Анри Верной. — Вы понимаете меня? Вы знаете, что такое долг души? — Глаза становятся беспомощными. Видно, ищет равноценное армянское слово, чтобы высказать какую-то значимую мысль...

Как не понять! Достаточно небольшого полета воображения, чтобы увидеть черноглазого мальчугана, тонким голоском выводящего «Патараг». Мелодия поднимается под сводами храма и там рассеивается, возвращаясь к тебе тихим и покойным, как бы божественным эхом. То душа воспряла и вернулась к человеку, но уже просветленной, очищенной, стершей с себя суету.

— Вы, наверное, понимаете меня, — произносит Анри Верной, и у меня впечатление, что обращается он к своему первому «я» — Ашоту Малакяну. — На роль мамы я пригласил Клаудию, потому что она сохранила обаяние матери и женщины. А героя-мальчика мы выбрали почти из 600 детей. Ни на что большее в моей работе эта картина не похожа! Армянскую музыку к фильму аранжировал композитор Жан-Клод Пти, автор музыки к фильму «Сирано де Бержерак». Роль отца исполняет Омар Шариф, к слову, второй раз за свою артистическую карьеру сыгравший армянина: первый раз он исполнил в итальянской ленте роль древнеармянского царя. Замечательная Натали Руссель предстанет в роли тетушки Гаяне, а другую тетушку играет обаятельная Изабел Садоян. Я пригласил гримеров из Голливуда, высококлассных французских специалистов. Это фильм моей жизни, и его следует уложить в два часа сорок минут. Монтаж для меня — что ампутация живого органа. Как рассказать о судьбе мамы длиной в 80 лет за неполные три часа? Каждый кадр — моя частичка, пядь той народной стены, на которой отпечаталась трепещущая тень родной матери.

Верной подходит к оператору, о чем-то переговаривается с ним, потом обращается к актеру и жестами объясняет очередной эпизод.

Пауза просто великолепна, она дает возможность короткого диалога с Клаудией Кардинале.

— Как вы постигли образ армянской матери? — спросил я ее.

— Мать есть мать. В роли я пережила большую и тяжкую судьбу армянской майрик — от двадцатилетнего возраста до почтенных седин восьмидесятилетней старушки. Целая жизнь измученной невзгодами женщины. Помогло и то, что много была слышана об Армении, ее народе. Надеюсь, когда-нибудь с этим фильмом приду к Арапату.

Она мило улыбается и проводит рукой по сединам:

— Армянский зритель будет в шоке. Клаудия Кардинале — да такая старушка! О, я хотела бы свидетельствовать с вашей древней землей... Привет всем!

Вернемся к беседе, благо Верной уже занял режиссерское место. Он продолжает мысль, на которой остановился.

— Я погружен во французскую жизнь, однако всегда ощущаю себя частью моей родины. Свой я человек и в местной армянской общине. Иные мои соотечественники удручают, — вздыхает режиссер. — Мало читают, мало духовности. Как же так? На все четыре стороны — Париж! Остановиться в развитии, как сто лет назад? Ну! Они же права не имеют!

Открою вам тайну, впрочем, свою тайну: ненавижу тех, кто без устали повторяет: «Мы — маленький народ...» От подобного рефрена даже большой народ станет малым. Скулеж столь же скверен, как и самодовольство, самоудовлетворенность. Растить надо ввысь, безостановочно и постоянно! Иначе — конец, иначе — смерть.

Я стал невольным свидетелем сцены между Анри Верноем и Ашотом Малакяном: первый строго отчитывал второго. Этот гнев проистекал от великой любви к соплеменникам.

Один раз, когда я обратился к рядом стоящему другу «Микаел-джан», режиссер как-то встрепенулся:

— Джан! Какое прекрасное слово! Так только на Востоке люди обращаются друг к другу! Разве я могу сказать Бергману «джан»? Нет, увы. Или «Миттеран-джан», «Тэйлор-джан», «Бельмондо-джан», «Клаудиа-джан»? А вот Азнавуру могу — Шарль-джан...

Честно скажу, я старался вести разговор с маститым художником о вещах сугубо творческих. Грело ласковое французское солнышко, небо блистало удивительной голубиной. Вдруг Анри Верной слишком резко для своей комплекции и возраста вскочил со стула и захлопал в ладоши, что означало перерыв на обед. Совсем кстати я достал из портфеля бутылку карабахского коньяка «Гандзасар» и протянул ему. Он снова нацепил очки и прочитал этикетку:

— О, карабахский? Действительно?

Я кивнул.

— А хороший?

— Немного жесткий.

— Это потому, что карабахский. Характер — в напитках.

Сказал и рассмеялся.

Обедали мы в каком-то кафе. Он живо обсуждал за обедом моменты съемки, в дальнейшем от него углу сидела Клаудия Кардинале. Я украдкой поглядывал на нее, изучал, но не узнавал: седой парик изменил ее до неузнаваемости. Однако и в этой разочаровывающей мужское сердце неузнаваемости было обаяние женщины и матери.

Прощаясь, великий мастер громко произнес: — Джан!

Оно было обращено к нам, его гостям, равно как и к окружающим его артистам, а также далеким Рязанову, Бергману, Шарифу, Стрейзанд, тысячам и тысячам европейцев и неевропейцев и особенно восточным поклонникам его таланта и, не сомневайтесь, в первую очередь, соплеменникам.

Уже в Ереване я получил от Микаела Кочаряна журнал «Пари матч» с подчеркнутым абзацем об Анри Верное: «Он снимал Жана Габена и Фернандела, Даниель Дарье, Ива Монтана, Энтони Моргана, Генри Фонда, многие его фильмы считаются крупными достижениями французского кино. Однако Анри Верной, «самый американский французский режиссер», с 1984 года ничего не создал. Он уединился, чтобы сосредоточиться на своем прошлом. На протяжении нескольких лет Верной написал сорок семь вариантов автобиографического фильма, и только сорок восьмой был им представлен в качестве сценария. «Майрик» сейчас — самое дорогое произведение европейского кино».

В первые дни нового года пришла скорбная весть о смерти кавалера ордена Почетного легиона, члена Французской академии художеств Анри Верной — Ашота Малакяна... Я поставил свечку в память об усопшем в церкви св. Саркиса. Потом, когда она догорела, я догадался зажечь новую свечку, на сей раз нашим матерям, за упокой души и нетленную память.

В Москве состоялся круглый стол «Парламентские и президентские выборы в Армении и интересы России»

В Москве по инициативе Фонда «Единство во имя мира» и журнала «Стратегия России» 22 марта состоялся круглый стол «Парламентские и президентские выборы в Армении и интересы России». Как сообщили в пресс-службе Российской общества дружбы и сотрудничества с Арменией (РОДСА), впервые за постсоветское время видные российские общественно-политические деятели, ведущие политологи, научные работники, эксперты по вопросам внешней политики, журналисты обсуждали вопросы, связанные с одним из решающих, по их мнению, этапов политического развития стратегического партнера России - предстоящими в мае этого года выборами в парламент, а в марте 2008 года - президента Армении.

В докладах и выступлениях членов Общественной палаты: президента Фонда «Единство во имя мира» Вячеслава Никонова, первого вице-президента ЗАО «Согласие» Андриана Миграняна, директора Института политических исследований Сергей Маркова; члена Комитета по делам Содружества независимых государств Совета Федерации России Александра Дзасохова, депутата Госдумы России, директора Института стран СНГ Константина Затулина, начальника управления Администрации президента России Модеста Колерова, президента РОДСА Виктора Кривокусова, шеф-редактора

- Надо ли за зло платить добром?
- Конечно, нет! За зло надо платить по справедливости, а за добро – добром.
Армянская мудрость.

НЕ ОСКВЕРНЯТЬ ДОБРО

С чего начинается добро?

Добро начинается с доброго взгляда, с доброй улыбки, с доброго слова. Достоевский писал: «...Если хотите рассмотреть человека и узнать его душу, то не вникайте в то, как он молчит или как он говорит, или как он плачет, или как он волнуется благодушными идеями, а смотрите на него лучше, когда он смеется. Хорошо смеется человек - значит, он хороший, добрый человек». При встрече с другими людьми, каждый из нас не должен забывать об этом. Но за взглядом, улыбкой и словами должны следовать и дела, действия. Очень хорошо об этом писал А. Ф. Керенский: «Слова в качестве действий вполне годятся для поэтов, философов и писателей, недостаточны для государственных деятелей и политиков. Их слова, даже самые значительные и мудрые, абсолютно беспомощны, если за ними не следуют действия». Эти слова старого политика следует адресовать, прежде всего, нашим депутатам Государственной думы, которые слишком много говорят, но слишком мало делают для того, чтобы страну вытянуть из болота первоначального накопления капитала.

Возвышаться во имя добра

Носителем добра является, прежде всего, отдельный человек. Это зло всегда нуждается в сговоре. Грабитель всегда ждет сообщников. Вообще, «в природе человеческой, - пишет Дидро, - два противоположных начала: самолюбие, влекущее нас к себе самим, и доброжелательность, толкающая к другим. Если бы одна из этих пружин сломалась, человек был бы злым до бешенства или великодушным до безумия». Чтобы не быть ничтожеством или абсолютно злым, человек должен подниматься выше самого себя. Но это можно сделать только при помощи добра.

Добро не должно быть ограниченным, эгоистичным

По мнению Тургенева, существуют три разряда эгоистов: эгоисты, которые сами живут и жить дают другим; эгоисты, которые сами живут и не дают жить другим; наконец, эгоисты, которые и сами не живут и другим не дают. Все эти разновидности эгоизма ничего общего не имеют с добром.

О подлости, лицемерии и хамелеонстве эгоизма писал еще Иван IV (Грозный): «Если вы злы, то почему умеете творить добро своим детям, а если вы считаетесь добрыми и сердечными, то почему вы не творите так же добро нашим детям, как своим?» Эгоизм - большая трагедия для человечества. Но без него человечество не может существовать. Там, где розы, растут и шипы.

Добро и утром, и вечером...

От добра зависит не только настроение человека, но и продолжительность его жизни. Если человек в течение одного дня услышит одно доброе слово, увидит один добрый поступок и сделает одно доброе дело, он прожил этот день не напрасно. Поэтому добрые деяния никогда не следует откладывать.

Люди рождаются, чтобы помогать друг другу

Маугли - творение писательской фантазии. Человеческое существо может жить и стать личностью только в семье, в коллективе, в обществе. Но что лежит в основе коллективного бытия? Вера, надежда, любовь, т. е. добро во всех своих проявлениях. Люди существуют друг для друга. Каждый из нас становится рабочим, крестьянином, учителем, философом и т. д. - человеком для себя и для других.

Одна дорога

Тысячи дорог, путей и дверей. Но человек не может нуждаться во всем. У него одна дорога, один дом, одни

двери. Счастлив тот, у кого есть выбор, но кто находится в своем доме, на своем месте, со своими близкими, родными. Но всегда ли мы находим свою дорогу?

Почему дома и стены помогают?

Потому что дом построен руками родителей, потому что в этом доме родились мы, мать пела нам первые песни. Она дарила нам первые ласковые слова. Вот почему нельзя осквернять родной дом злыми помыслами и действиями.

Мама, мамочка

Сквернословие всегда было признаком скудности ума и культуры. Нормальный человек не должен осквернять свой язык недостойной речью, тем более матерщиной. Ведь первые слова, которые произносит человек, - это слова «мама», «мамочка».

Что надо замечать в человеке?

Каждый человек должен стремиться быть патриотом. Но для этого необходимо в каждом человеке увидеть не то, что его унижает, оскорбляет, а только то, что его возвышает, делает его действительно личностью, человеком.

Не оскверняй язык дурными словами

Язык для человека - самое необходимое! Он предназначен для общения с другими людьми, для того, чтобы обмениваться с ними мыслями и приходиться к взаимному пониманию. Армянская мудрость гласит: «Если у тебя нет пшеничного хлеба, имей пшеничный язык». Язык делает человека доступным, понятным, добрым, умным, счастливым. Но как можно превратить его в орудие мести, зла, грязи? Берегите его, сдерживайте для добрых дел.

Истина одна

Истина - одна-единственная. Но каждый человек идет к ней своей дорогой.

Куда ведут мечты?

Они всегда с нами. Днем и ночью, весной и летом, осенью и зимой. Зимой мы мечтаем о весне, весной - о лете, летом - об осени. Никто не мечтает о зиме, но она также приходит. Мечты различны по содержанию, характеру, способам их становления, реализации. Рождаются они в пространстве и во времени. Они не способны материализоваться, стать вещественными, предметными. Но без мечты не может быть и жизни. Человек живет мечтой, но для создания материальных ценностей одной мечты недостаточно, необходимо приложить труд.

О завтрашнем дне

С каким нетерпением человек ждет завтрашнего дня. Работает он со всей энергией, не покладая рук, ничего не замечая. Все делает для завтрашнего дня. Но он не замечает прихода «этого завтрашнего дня». А он тут как тут, уже с нами. А человек все еще ждет. Люди! Не теряйте времени. Мечтая о завтрашнем дне, живите настоящим. Что можно делать завтра - делайте сегодня. Что можно сделать днем - делайте, пока рассвет. Иначе не успеем оглянуться, опомниться. Смерть не разбирает: управились мы или нет.

Сила мужчин в слабости его жены

Разные бывают жены: сильные и несильные, полные

и неполные, старые и нестарые, добрые и недобрые... Но самая сильная жена - та, которая верховодит дома, прислуживаясь мужу. Ласка сильнее всего... Лаской любого можно усмирить...

Не жалеи!

Не жалеи произносить доброе слово. Каждый человек достоин похвалы. Будь добрым в своих поступках. Доброта возвышает не только вашего собеседника, но и вас самих. Доброта помогает каждому избегать зла.

Искренность в любви

Искренность и любовь неотделимы друг от друга. Любовь всегда требует искренности, но в меру. Ведь искренность состоит не в том, чтобы говорить все, что думаешь, а в том, чтобы думать именно то, что говоришь. Говорят, что ложь убивает любовь, но откровенность убивает гораздо быстрее. А глубина любви познается лишь в час разлуки.

Если у вас есть собака

Постарайтесь понять ее сердцем. Собака не владеет человеческой речью. Но она понимает все и как малое дитя всегда стремится к добру для хозяина. Собака - это хорошо. Но тот, кто содержит собак, должен признать, что скорее он служит собаке, чем собака ему. Как писала Марта Скотт: «Не смотрите на своих собак как на людей, иначе они станут смотреть на вас как на собак».

Дурной пример заразителен

Француженка стоит перед зеркалом и думает: «Что еще можно снять, от какой одежды еще надо избавиться». Заразительный пример для наших толстух. Теперь они ходят зимой и летом с оголенными животами и спинами... До них не доходит, что этот дурной пример - доступность женщины притупляет чувство красоты и желания у мужчин. Один из великих людей писал: «Женский свитер должен плотно обтягивать грудь, чтобы у мужчины перехватило дыхание». Другой остроумный писатель, продолжая эту тематику, добавил: «Современные женские платья как колючая проволока: защищают территорию, но позволяют ее осмотреть». Колючая проволока - хорошо. Все-таки она что-то скрывает от мужских глаз.

«Я знаю только одно, что я ничего не знаю»

Прав ли Сократ? Почему он так ставит вопрос? Очевидно, потому, что сознание является завершающим актом поисков истины. Знания успокаивают человека, ведут его к состоянию покоя. А незнание - ключ к познанию. Оно создает возможность новых поисков, мобилизации сил, внимания к незнакомому объекту. Незнание ведет к знаниям. Таков закон процесса познания. Как писал Ф. Энгельс: «Лишь только наша душа начинает чувствовать потребность знания, лишь только мы ощущаем в себе стремление разрешить те из бесчисленных проблем, каждую минуту предлагаемых природой, которые нам ближе всего, как беспокойство нашего духа напрягает все душевные силы, чтобы пробиться через трудности исследования в надежде найти по ту сторону этих неясностей полный свет и нерушимое спокойствие. Тщетная надежда! Мотивы сомнения охватывают нас, новые задачи разжигают наше стремление к знанию». И так нас зовет одна цель за другой; всегда возобновляется в нас тоска, которая никогда всецело не обменивается и никогда всецело не удовлетворяется, пока незаметно не очутимся в конце жизни, но не исследования. Это - судьба общая для всех искателей истины.

Гюлаб МАРТИРОСЯН.

Книга о событиях драматического периода Нагорного Карабаха 1990-1991 годов.

Автору — русскому офицеру, в то время начальнику штаба Следственно-оперативной группы МВД СССР в НКАО, удалось пробиться сквозь немоту карабахского лихолетья и с документальной точностью оставить достоверные свидетельства об участниках и лидерах Карабахского движения и подполья, а также о сотрудниках МВД СССР, офицерах и рядовых внутренних войск, сумевших в экстремальных условиях сочетать выполнение служебного долга с велением совести.

ОТ АВТОРА

Над моей привычкой упрямо записывать предстоящие дела и их результаты в блокноте коллеги обычно смеивались. Спрашивали, какая у меня сверхзадача: сбегать записи до старости, чтобы потом издать многотомное собрание воспоминаний? Или что-то другое? Интересовались, веду ли учет приглянувшихся девушек и на всех ли стадиях знакомства? Я отшучивался и продолжал скрупулезно заполнять блокнот планами на день и на неделю, дополняя их многочисленными беглыми заметками о результатах встреч и деловых совещаний, просьбами и поручениями друзей. Более того, со временем я перестал механически выкидывать такого рода записи. И, оказалось, поступил на редкость мудро, ибо стопки исписанных листов сохранили для меня многие периоды жизни так достоверно, словно я вел настоящие дневники, с подробностями и деталями.

Позже, занимаясь научной деятельностью, я стал заводить и «обобщающие папки». Я вкладывал туда заинтересовавшие меня острые газетные статьи и другие публикации, затрагивавшие важные, на мой взгляд, проблемы. Со временем незаменимым помощником стал персональный компьютер. Собранное углубляло и обогащало мои лаконичные записи.

Среди старых блокнотов есть один, к которому я испытываю особенные чувства. Он сохранил впечатления от трагических событий на Кавказе, воспоминания о войне, резко пережившей судьбы множества людей. В нем зафиксировано то, как события современной истории неожиданно и сильно ворвались в мою жизнь. Этот блокнот — «Карабахский». Стороннему человеку он бы показался неряшливым и не во всем понятным. Записи в нем хаотичны и торопливы. Много незаконченных фраз, сокращенных фамилий, названий городов и селений, загадочных цифр.

Но, когда я сам открываю наугад страницу, мне не только все ясно, передо мной оживают знакомые, полюбившиеся мне люди, жители Карабаха, ставшие тогда жертвами террора, обожженные и оскорбленные несправедливой войной, в которую мы все невольно оказались втянутыми. Вспоминаются острейшие конфликты, напряженные ситуации, постоянно чреватые возможной гибелью множества мирных людей, в том числе — детей и стариков. И я снова до боли в сердце начинаю переживать, вроде уже забытое, так, словно оно происходило вчера.

С тех пор прошло более десяти лет. Все чаще и настойчивее стала появляться мысль расшифровать карабахские записи, чтобы не стерлись из памяти события, факты, имена, удивительное мужество людей,

Виктор Владимирович Кривоусков родился в Воронежской области. Жил, учился и работал в Ростове-на-Дону. По образованию — филолог и юрист, кандидат философских наук, действительный член Российской Муниципальной Академии. Последнее время работал руководителем Муниципалитета «Алексеевский» города Москвы, имеет троих детей и троих внуков. Трудовую деятельность начал в 1962 году почтальоном, затем работал библиотечником, в Ростовском обкоме комсомола. В 1974 году был выдвинут на большую общественно-политическую работу в Москву, выполнял дипломатическую миссию в Южном Йемене, служил в МВД СССР. В 1990-1991 годах был начальником штаба Следственно-оперативной группы МВД СССР в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана, занимался разрешением других межнациональных конфликтов Советского Союза.

За годы пребывания в первой «горячей точке» СССР принимал непосредственное участие в драматических событиях, хорошо знал многих участников Карабахского движения, подполья, его лидеров. Автор является президентом Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией, почетным членом Союза писателей Армении, организатором и председателем Координационного Совета поискового движения «Народная память о защитниках Отечества», членом правления Благотворительного фонда «Петровка, 38» и Совета землячества «Ростовчане». Награжден орденом «Дружбы народов», семью медалями, другими наградами СССР и Российской Федерации.

их терпение и благородство, проявившиеся в нелегкие времена. Времена, по моему глубокому убеждению, достойные того, чтобы остаться в памяти истории. Так появилась книга «Мятежный Карабах».

Я должен познакомить читателя с сотрудниками МВД СССР, офицерами и рядовыми внутренних войск, которые по долгу службы были командированы в Карабах, совсем немного, а иногда и просто ничего не зная об этой автономной области, ее истории и трагических событиях, которые там разворачивались. Разобраться в происходящем было очень непросто. А ориентироваться и принимать решения следовало самостоятельно и скоро, иной раз не только по Уставу и командирскому приказу, ибо ценой промедления становилась чья-то жизнь. Часто — многие жизни. Думать надо было быстро, полагаясь нередко на приказы совести и интуицию. Этому нас не учили. Более того, это запрещено в любой армии. Но людей на наших глазах убивали и грабили. А ведь мы были направлены в Карабах для того, чтобы действовать там, как полноправные представители Советского Союза — великой страны, ее армии, милиции, власти, наконец.

Офицеры и солдаты внутренних войск, сотрудники МВД СССР, выполняя свой долг и нелегкую миссию в Карабахе, сами ежедневно подвергались смертельной опасности. Их действиями в районе чрезвычайного положения обеспечивался не только определенный правопорядок, но, что самое важное, массового кровопролития в Карабахе они не допустили.

Однако, нельзя не признать, что, несмотря на огромные усилия личного состава внутренних войск и сотрудников МВД СССР, им не удалось в полной мере обеспечить в НКАО соблюдение законных прав граждан на безопасность, на допустимые в рамках чрезвычайного положения политические волеизъявления и социально-экономическую деятельность.

Многим из нас скоро стало ясно, что нашими руками хотят творить дела несправедливые. А здесь весьма активно действовали те, кто был заинтересован в том, чтобы мы не понимали, в чем нас вынудили участвовать. Позже это непонимание больно аукнется, приведет к развалу Советского Союза. Известно, что любое противостояние добра и зла, закона и беззакония редко встречается в чистом виде. Примеры прес-

туплений можно встретить у каждой из противоборствующих сторон. Но при этом нельзя позволять корыстолюбивым политикам запутывать происходящее так, чтобы правду и ложь невозможно было различить. К сожалению, всегда находится немало влиятельных людей, создающих именно на лжи свою карьеру и преуспевание. Наша задача тогда была — не попасть под их влияние, соблюсти закон и справедливость, для чего требовалось получать самую разностороннюю информацию и, всерьез раздумывая над ней, осознавать происходящее в регионе, в стране.

Мои карабахские записки — это рассказ о конкретных событиях, об их участниках, мало кому известных. В ряде случаев персонажи книги, сталкиваясь друг с другом, ничего не знали о дальнейшей судьбе новых знакомых. Особенно это относится к участникам Карабахского движения и тем более — подполья. Многие из них находились по вполне понятным причинам в условиях и обстановке сугубо секретной. В одних случаях я знал, в других — догадывался, что они участники подполья. Люди эти действовали как в областном центре, так и во всех районах, вплоть до отдаленных сел. Однако я конкретно общался всего лишь с некоторыми из них. Поэтому в моих записках упоминаются имена совсем немногих. Но это все — реальные события и реальные люди с их реальными поступками. Мужественные. Самоотверженные. На мой взгляд, они достойны того, чтобы о них знали соотечественники и широкий читатель. Тем более, что события в Нагорном Карабахе и в XXI веке продолжают привлекать к себе внимание мирового сообщества.

Не мне судить, справедливо это или нет, но дневник содержит записи, в основном, об одной стороне межнационального конфликта — армянской. В этом нет отражения моих личных симпатий. Такова была истинная картина жизни, представшая передо мной. Так тогда реализовывалась государственная политика СССР в отношении армянского населения НКАО. Я стремился изложить события честно, не конъюнктурно. Хочу верить, что читатель почувствует это.

И еще. Работа над этой книгой началась после «американской трагедии» 11 сентября 2001 года. Тогда эта трагедия показала пределом террористического безумия. А ведь и до нее происходили террористические акты в России: Буденовск, Волгодонск, Каспийск, дома в Москве на Каширском шоссе и улице Гурьянова. И, чуть позже, вновь Москва, Россия, весь мир оплакивал жертв чеченских и других террористов в театральном центре на Дубровке, на стадионе Тушино, в метро и у станций московского метро, авиарейсов над Тулой и Ростовской областью, при захвате Бесланской школы №1, подрывах электрички на Мадридском вокзале, гостиниц в Турции, Египте, Лондонском метро... Число жертв — это тысячи безвинно погибших людей разных национальностей и вероисповеданий, разных стран и континентов...

Каждый раз, читая свои дневниковые записи, я невольно задумываюсь над тем, что, если бы тогда, в конце 80-х — начале 90-х годов XX века советское руководство, главы великих держав, мировое сообщество дали бы необходимую политическую и юридическую оценку убийствам армян, програм и насилиям в Сумгаите, Кировабаде, Баку, в Нагорном Карабахе, в Азербайджане в целом, то, может быть, человечество в целом бы избежало нынешнего разгула мирового терроризма.

13 февраля 2003 года.

ПЕРВАЯ ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ О КАРАБАХЕ

Первая запись о Карабахе в моем рабочем дневнике сделана 11 октября 1990 года. В этот день я был на оперативном совещании у заместителя министра внутренних дел генерал-лейтенанта милиции Стасиса Генриковича Лисаускаса. Приказом МВД СССР № 368 от 2 октября я был включен в Следственно-оперативную группу (СОГ МВД СССР), направляемую в Нагорно-Карабахскую автономную область Азербайджанской ССР на три месяца для оказания практической помощи в предотвращении и расследовании преступлений, совершаемых на межнациональной почве. Группа формировалась из опытных сотрудников различных управлений и подразделений союзного министерства, в нее вошли и сотрудники МВД Казахстана, Киргизии и Туркмении. Вместе с группой летел в Карабах взвод рижского ОМОНа.

Руководителем Следственно-оперативной группы МВД СССР был назначен полковник милиции Виктор Семенович Гудков, старший оперуполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД СССР. Вылет в Карабах был уже определен: 15 октября 1990 года из аэропорта «Чкаловский».

Первые страницы дневниковых записей связаны с подготовкой к той нашей долгой командировке. Перечень вопросов большой. Немало дел надо завершить до отлета в Карабах, но главное — поручения нового руководителя Следственно-оперативной группы МВД СССР в Нагорно-Карабахской автономной области полковника Гудкова.

В Управлении профилактической службы МВД СССР я занимался вопросами прогнозирования и профилактики преступлений на межнациональной почве на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии. Попросу говоря, мне вменялось следить за событиями в горячих точках, в зоне моего внимания были Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Душанбе и т.д. Особо пристально я должен был исследовать то, как влияет религиозная ситуация, в первую очередь, ислам, на состояние криминогенной обстановки в стране.

Понятно, что первые задания от полковника Гудкова я получил в связи с подготовкой для группы необходимых аналитических сведений о Нагорном Карабахе, народах, населяющих его, о политической и оперативной обстановке в НКАО и Азербайджанской ССР в целом. Я принялся собирать материал.

До отлета нам предстояло получить личное табельное оружие и новую форму. Аппарат МВД формировался тогда из двух служб: собственно милиции и внутренних войск. Форма у каждой службы своя. Во вновь созданной группе сотрудников имела милицейские звания, а часть — звания офицеров внутренней службы. Отправляясь в Карабах, мы получили единую форму: летнюю и зимнюю омоновскую одежду. Тогда она еще только вводилась. Новое обмундирование, действительно, позволяло населению сразу выделять нас среди сотрудников милиции и офицеров-войсковиков, и это обеспечивало определенную безопасность. Оружие же в те времена полагалось иметь далеко не всем сотрудникам милиции, да и из тех, кому это было разрешено, редко, кто носил его постоянно.

Так начался длительный и чрезвычайно важный этап в моей жизни, о котором читатель узнает со страниц этой книги.

АШОТ ГЕВОРКЯН НЕ ДАЕТ АДРЕС СВОИХ СТЕПАНАКЕРТСКИХ РОДСТВЕННИКОВ

В дневнике сохранился список тех, с кем надо было успеть повидаться до отъезда в НКАО. Даже с самыми близкими друзьями в этот напряженный период подготовки к отлету я мог встречаться только по вечерам. Но и не встретиться нельзя: исчезают на целых три месяца. К тому же горячие точки внутри страны стали в этот период не такими уж и безопасными. Конечно, Карабах — это не Афганистан, однако, и далеко не курортное место, как мы привыкли воспринимать Закавказье.

Соблюдая добрую традицию, выработанную комсомольской практикой, перед каждой командировкой я старался связаться, а лучше встретиться с уроженцем или знатоком тех мест, распросить про местные нравы, особенности истории и т.д. Из Карабаха был мой друг Левый Айрапетян, коллега по аппарату ЦК ВЛКСМ, в недавнем прошлом руководитель одной из крупнейших в СССР Всесоюзной ударной комсомольской стройки по освоению нефтегазовых месторождений Крайнего Севера. Помню, как в наших совместных командировках в Новгородскую область, на Сахалин и Японию Левый рассказывал мне, что он родом из Карабаха, а главное — из села Ванк, что рядом со знаменитым храмом Гандзасар. Однако, разговор с ним о Карабахе в этот раз состоялся только по телефону. Он улетал в Тюмень.

В последний вечер перед вылетом в Степанакерт в популярном тогда кафе «Радуга» на Таганке собрался целый круг моих старых друзей. Среди них — братья Ашот и Самвел Геворкяны. С Ашотом я дружил около десяти лет, он был хирургом, кандидатом медицинских наук и работал в онкологическом центре на Каширском

шоссе. Самвел приехал к младшему брату в гости. От братьев Геворкян я надеялся «добрать» информации о Нагорном Карабахе.

Летом 1988 года вместе с семьей я провел большую часть отпуска на родине Ашота, в городе Октемберяне. Тогда-то с ним, а иногда и вместе с Самвелом, мы немало поколесили по Армении. Родители Ашота, тетя Лида и дядя Арташес, обладали особым сердечным гостеприимством, и потому, наверное, их дом был полон людей: многочисленные родственники, друзья, соседи, а нередко — совсем незнакомые люди, нуждающиеся в помощи и советах Ашота, уже известного московского доктора-онколога. Все они находили место за длинным хлебосольным столом под раскидистым абрикосовым деревом во дворе. Как же было замечательно участвовать в этих бесконечных встречах и знакомствах, среди тостов и страстных дискуссий!..

Атмосфера 1988 года в Армении была горячая — митинговая. Многие в самом раскаленном варианте приносились прямо с Театральной площади Еревана, где ежедневно шли митинги, собирающие десятки тысяч армян, специально съехавшихся, как мне казалось, со всего света. И главной темой, конечно же, был Нагорный Карабах, вернее, проблема его воссоединения с Арменией.

В доме Ашота я познакомился с его родственниками из Степанакерта. Они угощали нас настоящей тутовой водкой и очень гордились тем, что даже в период жестокой горбачевской борьбы со спиртными напитками им, карабахцам, было официально разрешено производить тутовку собственного изготовления. Я вспомнил об этих родственниках в свой прощальный московский вечер. Уже выходя из кафе, я попросил Ашота дать их адрес. Каково же было мое удивление, когда он довольно холодно спросил:

— Зачем тебе их адрес?

— Я же их знаю, они помогут мне разобраться в местной обстановке, расскажут по совести, что в НКАО происходит. Да и я могу оказаться им полезным. Не чужой же я им? Помнишь, тогда, в Октемберяне, ты говорил, что твои друзья и родственники стали моими, и наоборот. Да, наконец, они сами меня в гости приглашали.

— Так-то оно так, но адреса я не дам. Поезжай и разберись во всем. А когда выработаете собственную позицию, позвони мне в Москву, тогда адрес и получишь.

Я стал объяснять Ашоту, что в соответствии с инструкциями связаться с ним по телефону я не смогу. По обычной междугородной связи нам звонить запрещено, так как не исключено прослушивание со стороны противоборствующих сил. Даже письма в интересах безопасности нам и нашим родственникам рекомендовано отправлять по спецпочте. И домашний адрес у двоих сотрудников группы теперь в Москве один — тот, где расположено наше МВД СССР: улица Житная, 16. Деловые разговоры с Москвой ведутся только по спецслужбе «ВЧ», которая для него попросту недоступна.

Поначалу я принял слова Ашота за шутку. Затем почувствовал, что есть у него свои резоны для осторожности. Только в чем же дело? Может, я когда-то подвел его? Кому и как может помешать мое общение с его родными? Однако Ашот упрямо отказывался давать координаты.

— Ты летишь не в гости, не в отпуск. У тебя важное, ответственное, думаю, даже опасное задание. Обстановка в Азербайджане накаляется стремительно. Разрушается на глазах то, что десятилетиями всем нам казалось неизблемым. В Карабахе много смешанных армяно-азербайджанских семей. Большинство из них распались. Что будет дальше? Кто скажет, что тебя там ждет? Ты должен, ты обязан выполнить государственное поручение, свой долг, наконец. Знаешь, я ничуть не сомневаюсь в твоей порядочности. Но тебе полагается самому во всем разобраться, не испытывая стороннего давления. Я уверен, мои родные плохого тебе не посоветуют. Но лучше, если ты к ним приедешь, когда будешь в курсе всего, что там происходит. В своих решениях ты должен опираться на собственные впечатления. И не обижайся, думаю, мы с тобой настоящие друзья.

Несмотря на некоторое оставшееся между нами непонимание, мы тепло распрощались. Однако даже несколько дней спустя меня не покидала обида: почему Ашот допускает, что личные интересы способны мне помешать выполнить служебные обязанности?

Лишь много позже я осознал, насколько нравственно щепетильным и предусмотрительным был Ашот. Какой мучительный выбор не раз пришлось мне делать, чтобы занимать твердую позицию в оценке карабахских событий! Действительно, прямо на глазах разваливались, казалось бы, неизблемые устои великой многонациональной страны. Друзей у меня, благодаря работе в комсомоле и службе в МВД СССР, было много. Практически во всех союзных республиках. И в Армении, и в Азербайджане. Причем дружили-то мы все вместе, я был в этом совершенно уверен. И только значительно позже понял, что хотя наш век позволил нам познать радость счастливого братского межнационального общения, но он же заставил испытать терпкую горечь неожиданно вспыхнувшей ненависти, не говоря уже о тяге немалого числа национальных лидеров к нарезанию непроходимых межнациональных границ. Конечно, наш разговор с Ашотом в Москве выглядел странным. Казалось бы, это Ашот должен был просить меня внимательнее отнестись не только к его родственникам, но и в целом к своим соотечественникам. Но теперь, по прошествии времени, не-

смотря на то, что в карабахском дневнике за 1990 год адрес степанакертских родных Ашота Геворкяна отсутствует, в моей памяти хорошо сохранилась живая запись о товарищеском и гражданском поступке армянского друга. Оказалось, это не только укрепило нашу дружбу, но и сделало возможным нам обидеть быть счастливыми свидетелями трогательных московских встреч наших отцов — фронтовиков Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

ЛЕТИМ В СТЕПАНАКЕРТ ВМЕСТЕ С РИЖСКИМ ОМОНОМ

15 октября 1990 года. 6 часов утра. Сбор личного состава Следственно-оперативной группы на первом этаже Министерства внутренних дел СССР. На наши проводы пришли первый заместитель министра генерал-полковник внутренней службы Иван Федорович Шиллов, заместитель министра генерал-лейтенант внутренней службы Стасис Генрикович Лисаускас, руководители главков, управлений, чьи сотрудники направляются в Карабах.

Присутствующий на проводах первый заместитель начальника нашего Управления профилактической службы МВД СССР генерал-майор милиции Вячеслав Васильевич Огородников с января по апрель 1990 года возглавлял аналогичную группу в Карабахе, до этого он прошел Афганистан. Ему есть, чем с нами поделиться. Стараюсь запомнить его дельные советы. Ситуация в Карабахе действительно осложняется с каждым днем. Нередко теперь там применяется оружие. Конечно, прежде всего, надо усилить профилактическую работу. В условиях чрезвычайного положения в регионе она, по сути, единственная демократическая форма взаимоотношений милиции с населением, с лидерами Карабахского движения.

Вячеслав Васильевич старается ничего не упустить, вплоть до мелочей. Все важно в этой ответственной командировке: и где лучше разместиться, и в чем соблюдать особую осторожность, и с кем повидаться в первую очередь. Записываю фамилии некоторых сотрудников республиканского министерства и УВД НКАО, ряда начальников райотделов милиции и кое-что еще. Вижу по окружающим, осознаю, что для нас такое внимание — явление совершенно необычное: трогательное и тревожное.

По команде руководителя группы полковника Гудкова проходит построение. Короткое напутствие первого заместителя министра Шилова. Зачитан приказ № 1 по Следственно-оперативной группе МВД СССР в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Распределены обязанности. Я назначен начальником штаба группы. Генерал Огородников удовлетворенно подмигивает мне: знай, мол, наших! Значит, назначение — не без его участия. Что ж, это не только оценка предыдущего, но и аванс на будущее. Садимся в автобусы — и к самолету в военный аэропорт «Чкаловский». Прямо в автобусе полковник Гудков торопится обговорить со мной первые задачи: обеспечить должным образом прибытие личного состава на место назначения.

Замечу, что с Виктором Семеновичем Гудковым у нас сразу сложились добрые деловые отношения, сочетающие в себе и искренность, и требовательность. Этот уже немолодой человек был важняком в сыском деле, имел высочайший авторитет в уголовном розыске страны. Участвовал в расследовании погромов и убийств в Сумгаите, Баку и Кировабаде. Он всегда занимал независимую и четкую позицию, что было совсем непросто в тех условиях, и не раз в трудную минуту, отстаивая наши справедливые интересы, поддерживал мои действия в Карабахе перед руководством МВД СССР.

Летим военно-транспортным самолетом ИЛ-76 ТМ, без всякого комфорта. Под нашими полками тонны мешков и ящиков с продовольствием. Маршрут не прямой, а через Ригу, где мы должны забрать отряд рижского ОМОНа (Отряд милиции особого назначения), поступающий в распоряжение Коменданта Района чрезвычайного положения. Он будет участвовать в спецмероприятиях против вооруженных незаконных формирований, в проведении оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима в населенных пунктах НКАО и прилегающих к ней районах Азербайджанской ССР.

В аэропорт города Гянджи прилетаем поздним вечером. Чуть больше года назад этот город назывался еще Кировабадом (в царское время — Елизаветполь, в древнеармянское — Гандзакот). Нас встречают коллеги, которых мы прибыли сменить. Среди них подполковник милиции Александр Борисович Наконечников, мой товарищ и наставник по Управлению профилактической службы МВД СССР. Несмотря на суматоху, он умудряется, дать мне несколько дельных житейских советов и вручить небольшую коричневую записную книжку, исписанную мелким убористым почерком. Там, как я потом прочитал, была заботливо подготовлена специально для меня краткая характеристика обстановки в Районе чрезвычайного положения на последний момент, статистика уголовных дел, несколько имен офицеров карабахской милиции и военной комендатуры, с которыми я мог в первую очередь установить

99

деловые контакты. Я потом не раз добрым словом вспоминал Александра Борисовича. Сведения из его записной книжки помогли мне быстрее войти в курс чрезвычайной ситуации. Скоротечный обмен приветствиями и взаимными пожеланиями. Обнимаемся, желаем друг другу удачи. Наши коллеги садятся в самолет и — домой, в Москву. Мы — в автобусы. Едем в Степанакерт, столицу Нагорного Карабаха. Нельзя не заметить, что мы прибыли в зону конфликта. Колонну наших автобусов возглавляли и замыкали военные фургоны с автоматчиками. От Гянджи до границ автономной области нас сопровождают сначала машины ГАИ с азербайджанскими милиционерами, дальше — армянские сотрудники ГАИ.

Местом проживания в Степанакерте на три месяца стала лучшая в городе гостиница «Карабах», расположенная рядом с бывшим обкомом партии, в котором теперь Комендатура района чрезвычайного положения (далее — КРЧП).

Нашими соседями стали офицеры Комендатуры, а также многочисленные постояльцы — беженцы-армяне из Шуши, Кировабада, Баку и других районов Азербайджана. Для нас с замполитом группы — старшим инструктором Главного политического управления МВД СССР подполковником внутренней службы Николаем Александровичем Журавлевым — был выделен 412-й номер, трехкомнатный люкс, еще сохранивший прежний комфорт, с аппаратами прямой связи со штабом нашей группы и комендантом Района чрезвычайного положения.

16 октября 1990 года. 9.00. Личный состав группы собран в здании Управления внутренних дел НКАО Азербайджанской ССР, где нам предстояло работать. Знакомимся с руководителями Управления во главе с генерал-майором внутренней службы Владимиром Владимировичем Ковалевым. С этого момента мы приступили к исполнению своих служебных обязанностей в Нагорном Карабахе.

С учетом поставленных задач деятельность личного состава группы была сосредоточена, в основном, на трех направлениях:

а) проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлений на межнациональной почве;

б) проведение профилактической работы среди населения по предупреждению преступлений на межнациональной почве;

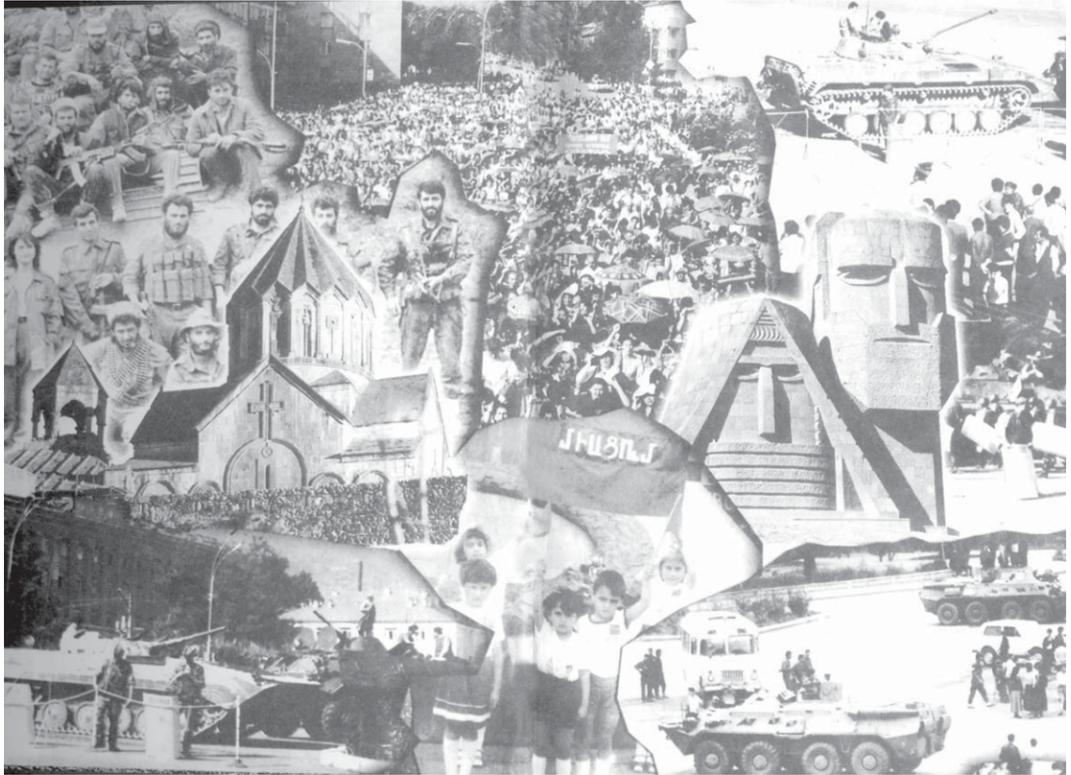
в) участие, в том числе совместно с воинскими подразделениями и местными правоохранительными органами, в проверке паспортного режима, в разведывательно-поисковых и других специальных мероприятиях по выявлению незаконных вооруженных формирований, изъятию оружия и боеприпасов.

Штаб группы организовал круглосуточное дежурство и принял от руководителя предыдущей СОГ МВД СССР заместителя начальника Главного управления ГАИ МВД СССР генерал-майора милиции В.М. Ишутина материалы следственных дел, имущество, автотранспорт и т.п. Сотрудники группы приступили к организации работы Степанакертского фильтрационного пункта и несению службы в двух Изоляторах временного содержания (ИВС). Одного — в цокольной части здания УВД НКАО в Степанакерте, другого — в тюрьме города Шуши.

Так начался карабахский период моей жизни. Никогда — ни раньше, ни позже — у меня не было столько оснований вести регулярные дневниковые записи.

СТРАННАЯ КАРТИНА В АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ

Перед командировкой в Нагорно-Карабахскую автономную область руководство нашего Управления МВД СССР поставило передо мной четкую задачу: наряду с участием в решении общих оперативно-следственных задач группы, постоянно изучать сложившуюся в НКАО ситуацию, а также регулярно готовить для руководства министерства и страны предложения по урегулированию межнационального конфликта. Еще в Москве, анализируя оперативные сводки и другие официальные материалы, я обратил внимание на противоречивость картины конфликта. Данные, полученные в МВД СССР, порой выглядели просто странно. Число жителей-азер-

байджанцев в автономной области в три раза меньше, чем армян, а фактов гибели, ранений, взятия заложников среди армян, поджогов жилых и производственных помещений, угона скота из армянских сел — в два раза больше. А по некоторым правонарушениям виновников армян — все сто процентов. По логике, все должно быть наоборот: большинство диктует меньшинству свои условия.

В моей записной книжке приведены следующие данные. Они красноречивы и заставляют задуматься. За 1990 год в НКАО в результате межнациональных конфликтов погибли 45 человек, из них 28 — армяне, 15 — азербайджанцы, двое — военнослужащие. Заложниками за это время побывали 72 человека, в том числе 46 армян и 22 азербайджанца. За прошедший год с территории автономной области угнали 5 тысяч голов крупного рогатого скота, в то время, как за два предыдущих года — всего 1,5 тысячи. 80 процентов скота было угнано азербайджанцами, как правило, вооруженными автоматическим оружием.

Нельзя было не заметить, что статистика уголовных дел, заведенных в области по преступлениям на межнациональной почве, имела мононациональную армянскую окраску. По данным, составленным заместителем руководителя нашей группы по следствию подполковником Игорем Дмитриевичем Пашковым, на октябрь 1990 года было возбуждено 27 уголовных дел по преступлениям на межнациональной почве. Только 2 из них — против азербайджанцев. Преступления, совершенные азербайджанцами на территории НКАО, оставались безымянными и никогда не раскрываемыми. А многие даже просто не регистрировались.

В 1990 году проведено 160 оперативно-войсковых операций по проверке паспортного режима и выполнению Указа Президента СССР от 25 июля 1990 года «О запрещении создания вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством СССР, и изъятию оружия в случае его незаконного хранения». Из них 156 — в городах и селах, где живут только армяне. Несомненно, все эти факты нуждались в объяснении.

Межнациональный конфликт в НКАО за два года не только не получил политического разрешения, он приобрел хронический характер, перерос в вооруженное противостояние. Было бы чистым фарисейством говорить об интернациональности отношений между двумя народами СССР. Мог ли способствовать снятию напряжения ряд решений азербайджанских высших руководящих органов, согласованных, правда, с ЦК КПСС и Верховным Советом СССР?

17 сентября 1989 года Верховный Совет Азербайджанской ССР принял конституционный закон, по которому республика провозгласила право учредить и упразднить автономные образования на своей территории. Ничего

не говорящее решение для того, кто живет далеко от Азербайджана. Но оно имело жесткую и четкую направленность: Нагорно-Карабахскую автономную область.

14 января 1990 года Верховный Совет Азербайджанской ССР объединяет два соседних района: армяно-населенный Шаумяновский и азербайджанский Касум-Исмаиловский в один — Геранбойский. Был район исторически компактного проживания армян. Теперь его не стало. Каким образом притязания у армян, когда в новом административном районе они составляют всего-то двадцать процентов. Умышленно ли так решило руководство Азербайджана? Ну, разумеется.

15 января 1990 года в НКАО и некоторые другие районы вводится Чрезвычайное положение. В связи с этим приостановлена деятельность Областного и районных Советов народных депутатов НКАО, Нагорно-Карабахского обкома компартии, партийных и всех общественных организаций и объединений в областном центре Степанакерте и четырех армяно-населенных районах. Но в той же НКАО в Шушинском районе, где живут практически одни азербайджанцы, сохранена деятельность всех конституционных органов власти. При этом, в отличие от армянских населенных пунктов, в азербайджанских селах области партийные организации не упразднили, наоборот, в них созданы парткомы с правами райкомов партии.

Снабжение жителей НКАО продовольственными и промышленными товарами осуществлялось с перебоями, было прекращено пассажирское сообщение по железной дороге, автомобильные магистрали для армянского населения закрылись, резко сократилось количество авиарейсов Степанакерт — Ереван. Других рейсов просто не существовало. Предпринимались попытки депортации армян из Гадрутского, Шушинского и Шаумяновского районов НКАО, сел Геташен и Мартунашен Ханларского района Азербайджана.

Мои записи, сделанные на совещаниях у коменданта РЧП генерала Сафонова, а также в Республиканском оргкомитете по НКАО, у его председателя, второго секретаря ЦК компартии Азербайджана Виктора Петровича Поляничко, свидетельствовали о том, что, если речь шла о снабжении продовольствием, жилищном строительстве, ремонте школ и больниц, других жизненно важных вопросах, то подразумевалось лишь азербайджанское население. А когда планировались проверки паспортного режима и оперативно-войсковые операции по изъятию незаконно хранимого оружия, это касалось только армянского населения.

Обстановка в Карабахе, как показывали официальные данные, характеризовалась, к сожалению, статистикой нарастающей конфликтности. Я понимал: готова предложения для Москвы, мне предстоит существенно расширить круг источников информации. И осознавал, насколько это все важно.

ИЗ ИСТОРИИ НАГОРНОГО КАРАБАХА

В письменных источниках Нагорный Карабах (древнеармянское имя - Арцах) впервые упоминается в надписи Сардура II, царя Араратского царства (Урарту, 763-734 до н. э.), найденной в селе Цовк в Армении, как страна, именуемая «Urtekhini». После этого - перерыв вплоть до римской эпохи. Следующее упоминание - уже у Страбона, писавшего в последние годы до н. э. и первые годы н. э., опираясь на источники середины I в. до н.э. (время походов Помпея). Страбон характеризует «Орхистену» как область Армении, «выставляющую наибольшее количество всадников». Когда Орхистена стала час-

тью Армении - неизвестно. Страбон, тщательно перечисляющий все завоевания армянских царей, начиная со 189 до н. э., об Орхистене не упоминает, что можно считать косвенным свидетельством её принадлежности к первоначальному ядру Армянского царства. О том, что в начале I в. до н. э. Нагорный Карабах входил в состав Армении, свидетельствует зафиксированное как письменными, так и археологическими источниками основание Тиграном Великим города Тигранакерт - первого из четырех городов под этим именем. Развалины города, под нынешним г. Агдам, недавно были исследованы армянскими археолога-

ми. Согласно их сообщениям, найдены остатки цитадели, руины христианской базилики V-VI веков, сотни предметов, аналогичных тем, что были найдены в Армении. Город существовал с I в. до н. э. до XIII-XIV веков. Для периода III-IV веков н.э. о принадлежности Арцаха Армении говорят и древнеармянские авторы: Мовсес Хоренаци, Павстос (Фавст) Бюзанд, Аниания Ширакаци. Ни одно из указаний на то, что Арцах до 387 г. принадлежал какому-то государству кроме Армении, в первоисточниках не существует.

В ЕРЕВАНЕ ОТКРЫЛСЯ ДОМ МОСКВЫ

Для участия в церемонии открытия Дома Москвы с однодневным официальным визитом в Ереван прибыл мэр Москвы Юрий Лужков.

После короткой беседы наедине мэры Москвы и Еревана Юрий Лужков и Ерванд Захарян направились в сторону возвышающегося напротив мэрии великолепного нового здания, где их уже ожидали многочисленные гости: государственные и политические деятели, представители науки и культуры. Войдя в Дом Москвы и перерезав красную ленточку под торжественные звуки духового оркестра, мэр Москвы, уже на правах хозяина, вручил мэру Еревана символический золотой ключ, который тот обещал бережно хранить, отметив, что ключ найдет свое достойное место в Музее истории Еревана.

Следует сказать, что архитектурный вид Дома Москвы, находящегося на правой стороне одной из столичных улиц Армении, впечатляет: в нем удивительно гармонично слились лучшие черты русского и армянского зодчества. Внутреннее убранство этого пятиэтажного сооружения еще более привлекательно: на всех этажах расположены со вкусом оформленные и меблированные за-

лы и салоны. Во внутренней части отличающегося современным дизайном здания создана атмосфера, полностью соответствующая назначению культурно-делового центра. Именно такой будет деятельность Дома Москвы, созданного по замыслу архитектора Левона Варданяна.

Ерванд Захарян с удовлетворением отметил, что строительство Дома Москвы удалось завершить в намеченные сроки. Всего полтора года прошло со дня закладки фундамента с участием Ю. Лужкова, и «вот сегодня мы видим готовое здание, очень важное для нас. Хочу с радостью сообщить, что завтра вместе с господином Лужковым мы откроем в Москве Торговый центр «Ереван». Закачивается также строительство жилых домов на Северном проспекте, осуществляемое московскими строительными фирмами.

Все это, безусловно, будет содействовать еще большему углублению и развитию экономического сотрудничества двух городов, двух наших стран. Будет продолжаться тесное сотрудничество и в области науки и образования. Дом Москвы в Ереване сыграет большую роль в нашей общественной жизни и будет в первую очередь способствовать

развитию нашего сотрудничества в области культуры», – заявил мэр Еревана.

Он напомнил также, что еще в 2003 году мэрами обеих столиц был подписан программный документ о сотрудничестве во многих областях и сферах.

Юрий Лужков отметил, что успешное сотрудничество двух городов обусловлено отношением президентов России и Армении, которые «создали для мэров комфортные условия». А строительство Дома Москвы – это «предметное, материальное, осязаемое выражение» этого успешного сотрудничества.

«Я думаю, что Дом Москвы в Ереване символизирует не только стратегическое партнерство между нашими государствами, но и те новые принципы отношений, которые строятся на постсоветском пространстве. Между Россией и Арменией сформировались отношения нового типа и качества. И эти отношения должны углубляться и развиваться. Это общение между людьми, межгосударственные связи, экономическое, культурное сотрудничество», – сказал мэр Москвы.

Каждый раз, приезжая в Ереван, Юрий Лужков замечает положительные изменения, происходящие в нашей столице. «Я часто посещаю Ереван. И конечно, мне приятно видеть происходящие в нем перемены. Появляются новые дома, реставрируются старые. Город стал чище. Мне нравится, что в Ереване мало игорных домов», – сказал Ю. Лужков, отметив также, что для московских властей растущее день ото дня количество игорных домов стало серьезной проблемой. И, чтобы вывести эти заведения за пределы Москвы, в дело пришлось «вмешаться» президенту РФ, чем он сейчас и занимается.

В Доме Москвы состоялось первое культурное мероприятие: презентация вышедшей на армянском языке книги Ю. Лужкова «Возрождение истории». Перевод и издание книги осуществлены по инициативе президента Сою-

за армян России Ара Абрамяна.

«Я считаю, что по своему характеру и содержанию эта книга является своеобразным политическим завещанием Ю. Лужкова», – так оценил работу бессменного мэра Москвы переводчик книги председатель Союза писателей Армении Левон Ананян.

По поводу перевода и издания книги приветственные слова сказали также президент НАН РА Радик Мартиросян, главный редактор газеты «Голос Армении» Флора

Нахшкарян и другие. По их мнению, в книге дан анализ наиболее важных международных политических проблем, вызовов третьего тысячелетия. Во второй части книги автор представляет читателю свое видение настоящего и будущего России, свои подходы в вопросах модернизации страны, внешнеполитической идеологии.

Кума ЕГИАЗАРЯН.

«ЕРЕВАН-ПЛАЗА» В МОСКВЕ

В Москве состоялось открытие торгово-развлекательного центра «Ереван-Плаза». Комплекс расположен недалеко от станции метро «Тульская».

Общая площадь центра составляет более 37 тыс. кв. метров. На территории четырехэтажного здания комплекса разместились магазины, рестораны, кафе и пять кинозалов. В скором времени откроются бутики армянского коньяка и восточных сувениров.

«Ереван-Плаза» построен из полированного травертина – этот камень доставили из Армении. В оформлении здания были применены элементы декора, характерного для армянского зодчества.

Отметим, что во время последнего визита в Ереван мэр Москвы Юрий Лужков

заявил о том, что между армянской и российской стороной ведутся переговоры о создании крупного логистического центра в Москве для поставки и производства технической продукции и продовольственных товаров из Армении. «Данный проект полезен Армении в экономическом плане, а Россия в данной сфере имеет уже большой опыт и может «раскручивать» те товары, которые Армения хотела бы поставлять. Данный проект является программным сотрудничеством между двумя городами и будет реализован для лучшего продвижения армянских товаров, которые обязательно будут востребованы москвичами», – подчеркнул Юрий Лужков.

АрМинфо.

В Москве состоялся круглый стол...

журнала «Стратегия России» М. Быкова и других были проанализированы общественно-политическая обстановка в стране и вокруг нее накануне парламентских выборов, развернувшейся предвыборной борьбы политических партий за голоса избирателей, немалое число которых в настоящее время либо трудится в России, либо тех, чьи ближайшие родственники являются россиянами.

Были высказаны критические оценки по поводу отдельных недостатков в межгосударственных отношениях России с братской Арменией, выразившихся, в том числе, в повышении цены на газ в интересах представителей монопольного бизнеса, неоправданного простоя армянских предприятий, перешедших в российскую собственность за долги, прозвучали конкретные предложения по повышению эффективности отечественной внешней политики на Кавказе.

Не осталось незамеченным усиление откровенного давления на государственную политику Армении, очевидные вмешательства в ход подготовки и проведения предстоящих парламентских выборов со стороны Северо-Атлантического альянса (НАТО), других международных структур, заинтересованных в дестабилизации обстановки в Армении, на Кавказе, Ближнем Востоке и соседних с Арменией странах в собственных геополитических интересах. Недвусмысленно понимаются угрозы лишить ее получения по программе «Вызовы тысячелетий» \$235 млн. в 2008 году и т. п. Неслучайно в предвыборный период в Армении уже «трудится» около полутысячи представителей различных заинтересованных международных организаций, «бескорыстных» помощников и специалистов по «цветным» революциям, которые расквартировались по городам и селам, способных, по их заявлениям, «не только наблюдать за предвыборной кампанией, работой избирательных комиссий, применением законодательства, но и заниматься разрешением избирательных споров», отмечается в сообщении РОДСА.

В выступлениях также отмечалось, что в Ереване «успел» открыться и заработать, в том числе и для этих же целей, информационный центр НАТО. Участники круглого стола отмечали, что Армения является искренним партнером и одним из самых надежных союзников России, где антироссийские настроения никогда не находили серьезного отклика, и она в состоянии сама обеспечить законность и прозрачность проведения выборов. Выражалась уверенность, что, несмотря ни на какие посулы, армянский народ и впредь не позволит провокационным силам втянуть себя в политические потрясения, сохранит стабильность и поступательное развитие своего исторического государства как стратегического партнера России.

ИА REGNUM.

Завидный бизнес

Мой сосед Алик считал себя состоявшимся, удачным бизнесменом. Его распирало от гордости и счастья, когда он вспоминал весь тот тернистый путь, который ему пришлось преодолеть. Шаг за шагом, порой проходя через унижения и обиды. Но Алик не сдавался - и в холод, и в зной с завидным упорством шел к намеченной цели. Правда, в последнее время, по его словам, его стали донимать конкуренты-дилетанты...

Бизнес его не имел ничего общего с его профессией. Он с красным дипломом окончил университет, точные науки ему всегда давались легко. Затем с блеском защитил кандидатскую диссертацию, написал пару монографий, получил авторское свидетельство и уже гото-

вился к защите докторской. Но размеренная, устоявшаяся жизнь имеет привычку неожиданно заканчиваться. В один прекрасный день оказалось, что все, чем он занимался столько лет, никому не нужно. Наука стала неактуальна, заняв скромное место в нише новых рыночных отношений.

Надо было что-то предпринимать. Молодой ученый с хорошими мозгами не мог не понимать: научными трудами и изобретениями сыт не будешь. И пошло-поехало. От количества идей, возникающих в его голове, он забыл про сон и отдых. Но генерированные им идеи не претворившись в жизнь, рассыпались одна за другой. Финансировать их никто не собирался. Надо было придумать что-то простое, не требующее работы мозга. И через несколько трудных лет Алика внезапно осенило...

Все произошло совершенно случайно. Как-то собрались они с друзьями-однокурсниками поболтать о неудавшейся жизни, «удавшихся» неприятностях и т. д. Но ученые на то и ученые, чтобы и в такой ситуации не забыть поговорить о достижениях науки и возможностях человеческого мозга.

«Человеческие мозги, - сказал в разгаре беседы Алик, - похожи на мусорные баки. Нам дана возможность использовать лишь 5-7% наших мозгов, но и это не используется по назначению. Если бы можно было записать мысли, возникающие за день в голове, уверен, они процентов на 80-90 окажутся хламом».

Его друзья возмутились. Он сказал это, не подумав, что среди них несколько кандидатов и даже один доктор наук. Скорее, наоборот: он подумал и сказал, не успев промолчать. Но это его уже не интересовало. Баки... Мусорные баки... Если даже 99% их содержимого - хлам, то 1% может оказаться очень полезным. Итак, быстро составив в уме уравнение с несколькими неизвестными, используя геометрическую про-

грессию, дифференциальное исчисление, теорию относительности, Алик, подняв глаза вверх, понял, что вся его жизнь целенаправленно вела его именно к этому переломному моменту в его жизни. Получалось, что все знания, накопленные в процессе учебы и работы, были нужны лишь для того, чтобы в один прекрасный день понять: залог его успеха - в мусоре.

Дальше все было делом техники. Облюбовав место, где мусора было вдоволь, Алик провел свой первый в жизни маркетинг. Результат не очень-то его обнадежил: несколько целых бутылок, неисправный электрический чайник, чугунная кастрюля. Но он не сдавался, и годы упорного труда сделали его мусорщиком-асом. С ним уже считались, он стал авторитетом среди подобных ему «просветленных». У него появились связи и даже «крыша».

Соседи, как ему казалось, с затаенной завистью смотрели на него через зашторенные окна. Встречаясь лицом к лицу, они стыдливо отводили глаза. Еще бы! У них ведь жизнь не сложилась так удачно - один работал в каком-то иностранном офисе, другой сидел на жалкой зарплате в каком-то министерстве, третий - о ужас! - был прорабом на пыльной стройке, четвертый преподавал в университете...

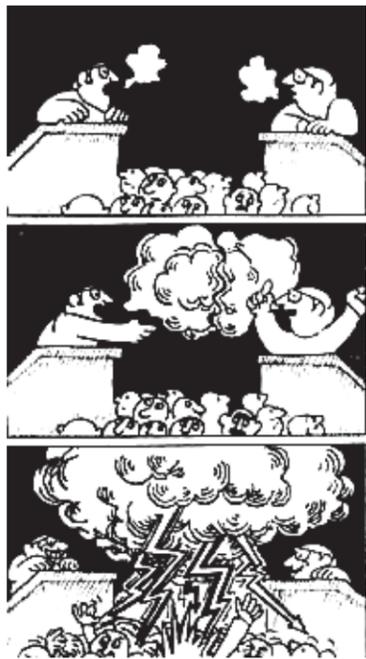
А он... Он был своего рода королем, фараоном мусорных пирамид. Правда, друзья его тоже стали избегать. «Наверное, потому что я не могу предложить им работу у себя». Впрочем, они интересовали его все меньше и меньше. Он уже жил в другом мире, где ему было спокойно и уютно. Здесь его никто не унижал, он ни от кого не зависел, а главное - с оптимизмом смотрел в туманное будущее, где до того, как стать счастливым и беззаботным пенсионером, видел себя то управляющим мусорной корпорации, то директором Фонда мусорных инвестиций. Жизнь его удалась...

Аида МАРКАРЯН.

Исторические анекдоты

Качество против количества

Во время одной общегреческой военной кампании спартанскому царю Агесилаю Второму сообщили, что союзные греческие полисы недовольны тем, что в общих вооруженных силах спартанских воинов меньше, чем воинов от каждого из остальных городов.

Агесилай вышел к собравшейся общей армии и распорядился, чтобы все воины сели, причем, чтобы спартанцы сидели отдельно. Затем царь через глашатая приказал встать всем, знающим гончарное ремесло, когда это было сделано, должны были встать все кузнецы, затем - плотники, строители, башмачники, портные, владельцы харчевен и так далее, то есть все ремесленники. За небольшим исключением все союзники уже стояли, а из спартанцев не поднялся никто. Ведь в Спарте гражданам было запрещено не только заниматься ремеслом, но даже изучать какое-либо из ремесел. Засмеявшись, Агесилай сказал: «Теперь вы видите, насколько больше воинов посылаем мы, спартанцы!»

И действительно, в бою один спартанец стоил более десятка иных воинов. И спартанцы это неоднократно доказывали делом. Достаточно вспомнить, что всего 300 спартанцев во главе с мужественным Леонидом в Фермопильском ущелье смогли задержать на много суток огромное, в

тысячи раз превосходящее численностью персидское войско, рвущееся в Грецию.

И это должно вдохновить и подвигнуть напирать на качество и нас, армян, которых количественно тоже достаточно мало.

Нищий рабовладелец

Из древнегреческих философов, сразу же после Сократа, Платона и Аристотеля, более всего современной широкой аудитории известен Диоген - основатель кинической философской школы. Диоген прославился тем, что навсегда и напроочь отказался от

дома и имущества - жил в заброшенной глиняной бочке, пифосе, был одет в обноски, питался, чем попало и когда попало. Одним словом, был вроде нынешних наших нищих, с той только разницей, что ничего ни у кого не выпрашивал и за «место» никому не платил.

Ходила легенда о том, что Александр Македонский, будучи в Коринфе, пожелал посмотреть на пришедшего туда чудака-философа и застал его лежащим перед своей бочкой и греющимся на солнце. Царь приветливо кивнул нищему философу и спросил, чем может он быть ему полезен. Диоген слегка приподнялся на локтях и равнодушно промолвил: «Посторонись немного от солнца...». Пораженный бескорыстием философа, Александр обратился к свите и воскликнул: «Клянусь Зевсом - если бы я не был Александром, то желал бы быть Диогеном!».

Личность, конечно, удивительная. Но еще более «историко-анекдотично» в наше время воспринимается тот факт, что в таком вот нищенском состоянии Диоген имел раба - некоего Мана, которым он помыкал по всем правилам рабовладельческого общества.

Не ужившись с хозяином и терпя от него постоянные «втыки», Ман бежал и скрывался, где попало. На советы отыскать и наказать беглеца Диоген ответил: «Не позорно ли то, что не Ман нуждается в Диогене, а Диоген в Мана...».

И в этом тоже отличие древнего нищего Диогена от наших нищих: последние не только не имеют рабов, но и сами состоят почти что в рабстве у своих разводящих «бригадиров».

Роберт ОГАНЯН.

газета «Доброе утро!» Приложение к журналу «Горцарар»

Регистрационный номер ПИ № 77-5015
Издатель: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
«ШАГАНЭ»

Лицензия серия ИД № 02313
Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ПЕРИОДИЧНОСТЬ ВЫХОДА - ЕЖЕМЕСЯЧНО

Отпечатано ГУП «Облиздат». Калуга, пл. Старый Торг, 5.
Формат А3, объем 3 п. л., тираж 999 экз. Зак. № 703

Номер набран и сверстан в редакции журнала «Горцарар».

Адрес редакции: 248001, Россия,
г. Калуга, ул. Суворова, 160.
Тел.: (8-4842) 56-59-29.

Автор проекта и главный редактор — В. В. БЕКЧЯН.

«Доброе утро!» уполномочено заявить

Мы имеем мнение по любому вопросу. Однако, это не мешает другим иметь собственную точку зрения и опубликовать её в газете «Доброе утро!»